

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ЦАЕМНИК

Андрей Львович Ливадный
Наемник. Книга 1
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 9

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187262*

Наемник: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38300-9

Аннотация

Роуг... Эта выжженная Галактической войной планета таила в себе главную загадку смертельного противостояния прародины человечества и колоний. Капитан Земного Альянса Глеб Дымов не мог и предположить, что именно ему придется разгадать ее. Предательство адмирала Воронцова сделало возможным создание сообщества киборгов, поставивших себе целью уничтожение прогнившей человеческой цивилизации. Маниакальный страх большинства людей перед мыслящими машинами оказался пророческим предвидением. Над планетами обитаемого Космоса нависла чудовищная угроза.

Содержание

Пролог	4
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	82
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Андрей Ливадный

Наемник

Пролог

История не терпит вольных трактовок. Она – неразрывная цепь свершившихся событий, объективно существующих причин и следствий... Как бы ни старались ее отредактировать, представить в нужном для определенных людей свете, все – тщета. Скрытые от нас факты рано или поздно становятся достоянием пытливых исследователей, ибо мы живем не в век изустных преданий, а в эпоху высоких технологий. Каждое событие, способное существенно повлиять на ход истории, оставляет следы, как материальные, так и информационные. Они не могут быть скрыты навсегда, уничтожены окончательно.

Поиск неизвестных нам страниц истории начинается с возникновения противоречий, туманных трактовок, несоответствия данных, полученных из разных источников. И тогда возникает поиск. Увлекательный, порой смертельно опасный, но неизбежный.

Как любой исследователь, ищущий истину, я вижу противоречия в ныне существующей официальной трактовке новейшего периода истории цивилизации и спрашиваю себя:

могла ли Галактическая война, длившаяся три десятилетия, иметь движущей силой лишь притязания на жизненное пространство с одной стороны, и ненависть к захватчикам, стремление любой ценой отстоять свои миры – с другой?

Математические модели, учитывающие реально существовавшие балансы сил, упрямо отвечают – нет, Галактическая война завершилась бы в течение трех-пяти лет.

Я понимаю, невозможно оцифровать понятие «человеческий фактор», нельзя измерить героизм и трусость при помощи чисел, как невозможно оценить воздействие тотальной пропаганды на умы граждан Земного Альянса. Однако существует ряд неоспоримых, документально подтвержденных фактов. Вот лишь некоторые из них:

Спустя десятилетие войны, к 2618 году, население Солнечной системы и планет, входящих в Земной Альянс, составляло один миллиард девятьсот тысяч человек. Остальная часть цивилизации, призванная под знамена прародины, погибла в титанических битвах. Нуждались ли они – оставшиеся в живых – в жизненных пространствах колоний? Ответ очевиден – наполовину обезлюдевшие мегаполисы Земли, бескрайние терраформированные равнины Марса, колонии лун Юпитера и Новой Земли предоставляли достаточно простора для жалких остатков Человечества, создавая идеальные условия для того, чтобы война утонула сама по себе, даже вопреки амбициям высшего генералите-

та Альянса.

Вы спросите о справедливой ненависти жителей колоний?

Да, она полыхала, требуя отмищения, и могла затянуть войну еще на год или два. В ту пору Землю от «удара возмездия» надежно защищали два рубежа обороны. Разработанные земными учеными генераторы помех, установленные в пространстве гиперсферы, искажали силовые линии аномалии, вдоль которых когда-то двигались колониальные транспорты Первого Рывка, не позволяли кораблям Флота Колоний совершить прямой прыжок на координаты прародины. Любой из гиперсферных маршрутов, ведущих к Земле, неизбежно выводил космические корабли в одну из систем так называемой Линии Хаммера, под удар автоматических станций обороны, к планетам, превращенным в неприступные цитадели, окруженные пространственными минными полями, в царство машин, полностью изменивших реальность двадцати четырех миров. Лишь к 2635 году, когда конструкция гиперпривода была усовершенствована, Земля оказалась в зоне прямой досягаемости, а все пространственные рубежи утратили былое стратегическое значение, Флотом Колоний был нанесен удар по метрополии, фактически положивший конец войне.

Однако вернемся к статистике.

В 2608 году на вооружении Земного Альянса появились первые системы боевого искусственного интеллекта.

К 2619 году они составляли уже девяносто семь процентов от общего числа боевых единиц, сражающихся на стороне Земли, восполнив, а где-то и полностью заменив людей в командовании низшего и среднего звена.

В свете приведенных фактов возникает ряд закономерных вопросов:

Чья воля руководила боевыми действиями со стороны Альянса на протяжении полутора десятилетий, в период с 2620 по 2635 год, планируя не только боевые операции, но и строительство периферийных опорных пунктов на планетах, находящихся вне границ освоенного космоса?

Не трансформировалась ли война людей, развязанная Всемирным Правительством Джона Хаммера, в войну машин?

Данные статистики утверждают – да. Гибельный шаг был сделан. Сейчас широко распространено мнение, что победа Свободных Колоний стала возможна благодаря трем факторам: личному мужеству солдат и офицеров, сражавшихся за свои планеты, изобретению аннигиляционной установки «Свет», применение которой остановило вторжение армад Альянса еще в начале войны, и постоянному приросту населения колоний за счет потерянных миров эпохи Великого Исхода, вновь открытых в результате боевых действий на пространственных фронтах.

Мое мнение – подлинную историю войны замалчивают.

Мужество защитников колоний неоспоримо, но его недо-

статочно для победы над противником, обладающим миллионными армиями боевых механизмов.

Глупо подвергать сомнению адскую, всеразрушающую мощь аннигиляционной установки «Свет», но семь флагманских крейсеров, оснащенных этим видом оружия, не в состоянии выиграть войну, они способны лишь выжечь дотла энное количество звездных систем.

Документальные свидетельства тридцатых и начала сороковых годов двадцать седьмого века говорят о затяжных позиционных боях и крупномасштабных техногенных сражениях на восьми пространственных фронтах, включающих десятки звездных систем и сотни планет.

Постоянное напряжение непрекращающихся схваток, когда не выдерживала техника, а люди сходили с ума, требовало непрерывного притока пополнений...

Я не ставлю под сомнение героизм солдат, защищавших свои планеты, но возникает вопрос: могли ли принятые в союз Свободных Колоний деградировавшие поселения эпохи Великого Исхода, пережившие четырехсотлетний упадок, мобилизовать бойцов, подготовленных для управления сложнейшими техническими комплексами, сражавшимися против «Одиночек» Альянса?

Нет.

Напрашивается вывод, что у Свободных Колоний находились на вооружении собственные системы искусственного интеллекта, но их роль в войне тщательно скрыта, а

информация о ней покоится под грифом «Совершенно секретно» в недостижимых для простого смертного хранилищах данных, расположенных на подземных уровнях Форта Стеллар.

И, наконец, последнее. Кто остановил боевые искусственные интеллекты у роковой черты, когда физическое уничтожение Человечества, как вида, стало неизбежным?

Ответ на поставленные вопросы и будет правдой о Галактической войне. Вполне вероятно, что такая информация, поданная честно, не только откроет истинную историю величайшего противостояния, но поможет предотвратить рецидив, зреющий на периферии Обитаемой Галактики спустя годы после капитуляции Альянса.

Эрст Норз Логвил. «Новейшие исследования».

Издание 2640 года...

Часть I

Глава 1

2634 год по летоисчислению Земли.

**Граница исследованных секторов
пространства. Планета Роуг. Опорная точка**

Флота Свободных Колоний.

Глеб не любил планеты.

Он родился и вырос на орбитальной станции в системе лун Юпитера. Сознание, сформированное в условиях искусственного микроклимата, среди отсеков и коридоров исполинского космического дома, так и не сумело окончательно примириться с реальностью открытых пространств. Откровенное проявление фобий из него вышибли в учебном центре, где происходила подготовка пилотов боевых серв-машин, но глубоко скрытая неприязнь осталась.

В помещении врезанного в скалы временного командного пункта царил зеленоватый сумрак.

Вдоль стен располагались блоки кибернетических систем, десятки голографических экранов тускло сияли, отображая общие данные тактической обстановки. Неяркий свет стеклоголографов ложился на лица людей землистыми, неживыми бликами.

Командир батальона Перегудов дремал в кресле, в боковом ответвлении бункера два пилота серв-машин негромко разговаривали.

– Слышал последние новости? – Алан Хорс потянулся за сигаретой, но передумал, покосившись на комбата, не выносившего табачного дыма.

– Ты о чем? – Глеб устало помассировал виски. Голова ныла с самого утра. Сказывалось напряжение последней недели непрерывающихся боев.

– Я тут оперативные сводки смотрел. Флот Колоний начал штурм Линии Хаммера. Юнона, Везувий и Новая Земля атакованы.

Комбат пошевелился, стряхивая дрему. В объеме одного из голографических экранов появилась пиктограмма активизации канала гиперсферных частот, секунду спустя пошла развертка данных.

– Пустое это все, – Дымов улегся на койку, заложил руки за голову. – Зачем штурмовать морально и технически устаревший оборонительный рубеж? – спросил он. – Сам поду-

май, новые модели гиперпривода позволяют менять навигационные линии гиперсферы, не осуществляя промежуточные всплывания, так что Линия Хаммера давно утратила былое стратегическое значение.

– Да, но там полно техники, – напомнил Хорс. – Если бы я намеревался атаковать Солнечную систему, то позаботился бы о тылах. Чтобы в спину никто не ударил. Что молчишь, Глеб? Или скажешь, тебе все равно?

– Устал. Голова болит, – Дымов отвернулся к стене.

– А я тебе говорю – войне конец, – не унимался Алан.

Глеб ничего не ответил.

На панорамной сборке экранов тактической системы было отчетливо видно, как солнце коснулось вершин горных пиков и быстро исчезло за ними. В считанные минуты наступили сумерки, глубокие тени легли на серый фон скал, лишь гладь морского залива, расположенного ниже, далеко в тылу позиций батальона, матово отсвечивала алыми красками скоротечного заката.

– По ГЧ¹ сообщили: к нам направлена эскадрилья «Валькирий», – произнес Перегудов.

– Это новые штурмовики? – оживился Хорс.

– Они самые. Будут работать по седьмой батарее.

Глеб поворочался с боку на бок, потом сел и начал обустраиваться. Поспать все равно не дадут.

¹ ГЧ – гиперсферная частота. Любая межзвездная связь осуществляется на гиперсферных частотах.

– Ты куда?

– Выйду воздухом подышу, – Дымов взял со стола распечатанную Хорсом пачку сигарет.

– Подождал бы. Сейчас штурмовики начнут работать. Сам знаешь, техника новая, в боях еще не проверена. Всякое бывает. Могут случайно и наши позиции зацепить.

– Два раза не умирать, – буркнул Дымов, натягивая куртку.

– Не нравишься ты мне в последнее время, – комбат осуждающее взглянул на Глеба. – На самом деле смерти ищешь?

– Я сам себе не нравлюсь, – отрезал капитан, направляясь к выходу из бункера.

* * *

Лес кишел сервами.

Под пологом маскирующего поля, накрывшего десятки квадратных километров горных склонов, ни на секунду не утихала «жизнь» механического муравейника. Тысячи автономных сервомеханизмов, не обращая внимания на человека, занимались неотложными делами, обеспечивая боеспособность батальона. Глеб остановился, мысленно отдал приказ на прямое подключение сканеров кибстека² к устрой-

² *Кибстек* – персональный кибернетический модуль. Оснащен мини-дисплеем и устройством голографического воспроизведения. Обычно исполнен в виде браслета, носимого на запястье. Стандартный имплант – устройство, вживляе-

ствам импланта,³ но привычное для пилота восприятие двух накладывающихся друг на друга реальностей вдруг вызвало резкое чувство отторжения, неприятия.

Тьма расступилась, теперь он отчетливо воспринимал энергоматрицы затаившихся под прикрытием маскирующего поля штурмовых носителей класса «Нибелунг-12NT», – к одному из них как раз подполз тягач, доставивший подбитый сегодня днем «Фалангер» сто восьмидесятой модели, из состава штурмовой группы, пытавшейся подняться по ущелью. Остальные машины так и остались там, погребенные под завалами обрушившихся в результате ураганного обстрела скальных пород. Погибшее серв-соединение возглавлял майор Шагетов – его вытащить пока не сумели, связь с командиром мобильной группы оборвалась пять часов назад. Фрайг его знает, жив майор или нет, возможно, что последняя передача данных велась уже не им, а модулем искусственного интеллекта серв-машины.

Глухая, безысходная тоска острыми коготками царапала грудь, норвя добраться до сердца. Глеб отключил сканеры. Царство машин в минуты глухой, неодолимой усталости вы-

мое в височную область. Напрямую соединено с нервными тканями головного мозга человека.

³ Стандартный имплант вживляется человеку еще в роддоме. Кибернетическое устройство, оснащенное искусственными нейросетями, выполняет стандартный набор функций, позволяя владельцу мысленно управлять бытовыми приборами, персональным кибстekom, входить в сеть и т. д. В гнездо импланта можно подключать дополнительные специализированные кибернетические модули.

зывало неосознанный протест, все казалось неправильным, зашедшим слишком далеко, – ведь подсознательно он понимал: три человека на батальон – это ничтожно мало. Рано или поздно – наступит и их черед, но, похоже, ничего не изменится с полным исчезновением людей.

Сплюнув, Глеб запретил себе думать о копошащихся вокруг механизмах.

Холодало рано, звезды в небе тускло мерцали, их призрачный свет искажался маскирующим полем, вокруг темной массой громоздились скалы, среди которых едва угадывались позиции батальона, зацепившегося за склон у подножия горного массива.

Некоторое время он машинально всматривался в небеса, но тщетно.

Заметить невооруженным взглядом звено современных штурмовиков попросту невозможно, да Глеб и не старался, – опустошенный, озлобленный, потерявший интерес к жизни, Дымов стоял, равнодушно созерцая окрестности. Вырезанные лазерами капониры пластались заплатками тьмы на фоне серого камня, хищные контуры притаившихся в глубине укрытий серв-машин казались потусторонними призраками, иней, испятнавший скалы сразу после заката солнца, вызывающе белел, ключья маскировочной сети, разбросанные по краю свежей воронки, напоминали о трудном, но уже прожитом дне, два сгоревших дотла остова боевых планетарных машин чернели возле узкого разлома ущелья, постоянно на-

шептывая: ты на прицеле, о тебе помнят...

Обстрел, прекратившийся час назад, мог возобновиться в любой момент.

Роуг – проклятое место. Отсюда не возвращались. «Отправиться на Роуг» означало – умереть. Без вариантов. Уже не первый год на истерзанной планете шли затяжные бои. Отдельный дивизион Флота Колоний, оборудовавший стартопосадочные площадки в глубинах горной страны, укрепивший позиции десятью сверхтяжелыми батареями противокосмической обороны, держался насмерть... хотя ходили упорные и, по мнению Дымова, далеко не беспочвенные слухи, что в живых там не осталось никого, а господствующие высоты контролируют исключительно сервомеханизмы, иначе сложно объяснить несгибаемое упорство защитников стратегически важной планеты.

Кем я был десять лет назад? – невольно подумал он, и сам же мысленно ответил: – Девятнадцатилетним подростком. А тут уже шли бои. Нет там живых, а может, никогда и не было.

Он присел на выступающий край капонира, достал сигарету, прикурил. В черно-серой глубине укрытия притаился его «Фалангер» с бортовым номером 17. Сканеры серв-машины тут же отреагировали на крохотный источник тепла от уголька сигареты, мгновенно прикрыв пилота дополнительным маскирующим полем.

Мимо, царапая металлом о камень, резво пронеслась

группа штурмовых сервомеханизмов. Промелькнув сумеречными тенями, они исчезли во мраке, направляясь в сторону ущелья.

Глеб глубоко затаился. Говорят – от судьбы не уйдешь. А что такое судьба? Он усмехнулся внезапным мыслям, четко представив окружающую действительность. Армия сервомеханизмов, затаившаяся на склонах горного хребта, ждет приказа на очередной штурм господствующих высот. Они не ощущают обреченности, им неведомы чувства, разве что синтезированные сознания некоторых из искусственных интеллектов, управляющих серв-машинами, испытывают некий эквивалент повышенной нервозности перед боем. Но они – случай особый. Синтетические личности, существующие на основе нейросетевых модулей некоторых «Одиночек», не в счет. Они не люди и не сервы. Нечто среднее, одинаково чуждое, как для человека, так и для кибернетических систем.⁴

Сигарета дотлела, обжигая пальцы.

Глеб раздавил окурочок ногой. Два сонмища боевых машин ждут рокового приказа. Еще немного, и они ринутся уничтожать друг друга. И судьба горстки людей, оказавшихся среди ведущих бескомпромиссную борьбу кибернетических исчадий, – сгореть в предстоящей схватке.

Тьма скалилась серыми тенями. Холод заползал под одежду.

⁴ Смотри примечания в конце книги.

Его личное, субъективное падение в пропасть завершилось. Он достиг дна. Больше не осталось иллюзий, да и цель жизни потускнела, истерлась, словно подметка старой обуви.

Глеб зло усмехнулся набившим оскомину мыслям, гримаса горечи исказила черты лица. Десять лет назад ему, как многим другим подросткам, бросили обглоданную, уже не раз и не два использованную кость надежды, обернутую в красивую упаковку пустых обещаний. Тогда казалось – нет ничего хуже, чем прозябание в опустевших мегаполисах Земли. Душа рвалась прочь от серых, унылых стен, и вербовочный пункт военно-космических сил, куда зазывала яркая голографическая реклама, казался вратами в иную жизнь.

Потом был учебный центр Юноны и полигоны Везувия.⁵

Надежда умирала долго. Ее выдавливало постепенно, от боя к бою, от одной потери к другой. Лица друзей – тех, с кем он когда-то вместе покинул Солнечную систему, – серыми тенями скользили во тьме. Никто из них не дожил до обещанных побед, никто не получил своего райского уголка на далеких планетах, да и не мог получить, потому что за спиной серв-соединений Альянса оставался лишь прах выжженной дотла земли.

Глеб сопротивлялся дольше других. Он прошел через все: познал и липкий удушливый страх, и неистовое, граничащее с помешательством, животное желание жить, уцелеть в техногенном аду, затем будни войны взяли свое, и на смену ин-

⁵ Юнона и Везувий – две наиболее известные планеты Линии Хаммера.

стинкту самосохранения пришел губительный азарт. Познав глубины полного нейросенсорного контакта с подчиненной кибернетической системой серв-машины, Дымов стал сдержан, холоден, логичен, но в его усталом, воспаленном взгляде теперь таилась искорка безумия. В часы и дни затишья между боями он впадал в глухую депрессию, жил ожиданием новой схватки, очередной возможности еще раз пройти по тонкой грани между жизнью и смертью, ощутить слияние рассудка с мощью кибернетического механизма, выстоять там, где не выдерживал металл...

Его душа медленно погибала, но Глеб не понимал этого. Однажды, в последней попытке защититься, она заснула летаргическим сном, не в силах вынести боль потерь, не принимая подступающего в бой безумия, а Дымов даже не заметил, как подкравшееся безразличие к окружающему, циничное равнодушие, ожидание неизбежного финала окончательно превратили его жизнь в существование. Поблек азарт, остался лишь холод отрешенности, жизнь потеряла всякий смысл, – он не сломался, но угас, как гаснет свеча под порывом ветра. Утратив веру, окончательно похоронив иллюзии, Глеб с определенного момента смотрел на окружающее, уже не пытаясь скрасить его тщетными надеждами на мифическое «светлое будущее». Все окончательно встало на свои места, и ему вдруг нестерпимо захотелось поставить точку.

Высоко в горах полыхнула серия разрывов.

Скалы вздрогнули, близкий, изломанный контурами гор-

ных вершин горизонт подсветили зарницы, – пламя вспухло, ударило в облака, разметав их багряно-седые космы; судорогой прокатился грохот обвалов, затем штурмовики, атакующие под защитой фантом-генераторов, истратив ракетный боекомплект, огрызнулись плазмой. Над позициями седьмой батареи ПКО противника блеснула ослепительная цепь молний, расходящаяся веерами сотен ветвистых разрядов, с оглушительным треском ударили раскаты грома, и все стихло так же внезапно, как началось, лишь по подбрюшью свинцово-серых облаков, клубящихся над горными вершинами, скользили режущие нити лазеров, да огненными трассами отплевывались скорострельные зенитные орудия.

Из укрытия появилась широкоплечая фигура. Командир батальона полковник Перегудов взглянул в потемневшие небеса, словно рассчитывал увидеть там нечто большее, чем продемонстрировали ему мониторы боевого тактического комплекса, затем, заметив Дымова, подошел, присел рядом и негромко спросил:

– Видел, что новая техника вытворяет? Вышли из гиперсферы, подкрались, словно кошки, ни один сканер не пискнул.

Глеб кивнул. Машины действительно высококлассные. Жаль, что появились недавно и выпущены небольшой серией.

– Батарею они не уничтожили, – продолжил комбат. – Но потрепали конкретно.

– Поднимешь батальон?

Перегудов поморщился, неодобрительно посмотрел на Дымова, но все же ответил:

– Разведгруппа сервов уже выдвигается. Не знаю, Глеб, мы столько раз атаковали, что уже не осталось желания рисковать. Даже учитывая успешную атаку штурмовиков.

– Не век же нам на склонах торчать под обстрелом. – Капитану излишняя осторожность командира показалась неуместной. Атака «Валькирий» давала неплохой шанс закрепиться на высоте. Сложный рельеф горной местности позволял серв-машинам подобраться достаточно близко к системе укреплений противника, находясь при этом вне секторов обстрела соседних батарей тяжелых противокосмических орудий. Главное, чтобы седьмая молчала.

– Послушай, Глеб, не лезь сегодня в пекло. Нас всего трое осталось. Пусть «Одиночки» начинают штурм.

– А мы? Отсидимся в бункере?

– Мы будем в рубках своих машин. Но не возглавим атаку.

– Это приказ?

– Глеб, не заносись! – Перегудов гневно взглянул на него. – Знаешь ведь, что официально отдать такой приказ я не могу.

Дымов кивнул. Спорить с комбатом, говорить лишнее не хотелось. В рубку. А там посмотрим...

– Я пошел, – Глеб направился к укреплению, где хранилась боевая экипировка.

Риск предстоящей атаки все же вызвал некоторый подъем сил, легкую нервозность. Опыт боев подсказывал, – если наверху, среди атакованных «Валькириями» позиций батареи ПКО, уцелел хотя бы один генератор плазмы – батальону придется туго. За последние годы системы плазменных вооружений превратились в грозную силу. Пример тому – атака штурмовиков. Двигаясь на малых высотах, они ракетным ударом взломали защитные диэлектрические слои, изолирующие бункерную зону противника, а затем сбросили сгустки временно стабилизированной плазмы. При разрушении эти сгустки спровоцировали возникновение шквала из тысяч мощнейших электрических разрядов, которые человек истари привык обозначать термином «молния».

В идеале комбинированный ракетно-плазменный удар должен полностью разрушить или привести в состояние временной негодности до девяноста процентов кибернетических систем и связанных с ними исполнительных комплексов, но как произошло на самом деле, насколько глубоко проникли разряды в недра бункерных зон, покажет только разведка боем.

Глеб подошел к нише с бронескафандром, приложил личный кодон⁶ к окошку сканера, и сервоприводная оболочка, считав полномочия пилота, пришла в движение, открывая

⁶ *Личный кодон* – микрочип, имплантируемый под кожу запястья офицерам Альянса. Дает полномочия доступа к любой подчиненной кибернетической системе, вплоть до управления «Одиночкой».

доступ. Машинальным, отработанным до автоматизма движением Дымов развернулся, сделал шаг назад, ощутив мышцами спины упругое сопротивление внутренней термоизолирующей и амортизирующей оболочки боевой экипировки.

Внешний мир тут же померк, истончился, осталось лишь ощущение вибрирующей дрожи от работы сервомоторов, сдвигающих на место бронепластины, затем включились электромагнитные замки, сухо щелкнула дублирующая механика, сотни датчиков плотнее прижались к телу, и ощущения внезапно трансформировались, – это приемопередающий комплекс импланта установил прямой контакт с подсистемами бронескафандра.

Дымчатое проекционное забрало шлема разделилось на несколько оперативных окон, куда начала поступать информация от БСК⁷ «Аметист».

Границы восприятия окружающего резко раздвинулись, теперь Глеб видел не только предметы, но и энергетические сигнатуры,⁸ поддающиеся обнаружению при помощи встро-

⁷ БСК – боевой сканирующий комплекс. Выпускался в различных модификациях, адаптированных для планетарных машин, космических кораблей, боевых скафандров.

⁸ Понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумма различных полей), которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие «карта сигнатур» – тут подразумеваются характерные, заранее известные распределения энергий, соответствующие работе определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое косми-

енных в скафандр сканеров.

Загрузка командного интерфейса завершилась. Нервозность исчезла. На фоне ледяного спокойствия произвольная мышечная дрожь пробежала жаркими волнами, мощь сервоусилителей боевой брони особенным образом воздействовала на разум, меня мировоззрение. Глеб повернулся, окинул взглядом лес, предвкушая еще одно перерождение рассудка, его полное слияние с подсистемами «Фалангера».

Под маскирующим пологом лесопосадок кишело сонмище боевых сервов. Механический муравейник, разворошенный поступившими командами, пришел в целенаправленное движение, но Глеб уже не обращал внимания на всякую мелочь, почтительно уступающую дорогу человеку в бронескафандре.

Четверть часа назад он лежал на жесткой койке, отвернувшись к шероховатой стене бункера, безучастный к происходящему, но сейчас Дымова словно подменили. Им овладело губительное предчувствие близкого боя. Что бы там ни говорили военные медики, но адреналиновый голод тут ни при чем. Он – лишь бледная тень той зависимости, что развивается в результате прямого нейросенсорного контакта между человеком и искусственным интеллектом серв-машины.

Существует грань, шагнув за которую вернуться назад уже невозможно.

Для каждого пилота она разная. Многие погибают в крес-

ле пилот-ложемента, не в силах возвратиться обратно, в серый, унылый мир, где практически не осталось ничего живого, где любой серв, случайно зацепив тебя, способен ненароком искалечить... Человек, познавший ритмику техногенного боя, уже не видит в реальности ничего более яркого, слепящего, стремительного, любое ощущение – лишь тень прожитого там, за чертой.

Существует мнение, что пилоты серв-машин – кровожадные отморозки.

Чушь. Глеб не убил ни одного человека. Люди попросту не встречались ему на полях сражений, где сходились в схватке тысячи сервомеханизмов. Война еще до его рождения ушла за грань, сожрав практически все человечество, но боевые машины, призванные заменить своих погибших создателей, продолжили безумное противостояние, придав ему новый, уже запредельный для живых существ импульс.

Дымов относился к особому поколению, рожденному в период войны, – он, как и миллионы сверстников, вырос в полностью автоматизированном мире, с первыми осознанными впечатлениями впитал сокровенную суть понятия «техносфера», чаще общаясь с искусственными интеллектами, нежели с людьми.

Ему с детства внушали: для избранных смерти нет. Какой смысл страшиться неизбежного, ведь человеческое тело несовершенно, оно, рано или поздно, стареет, изнашивается и погибает в силу естественных причин. Есть лишь один

способ изменить установленный природой порядок вещей – доказать, что ты лучший, первый среди равных. Шагнуть за предел человеческих возможностей, соединив рассудок с искусственным интеллектом боевой машины, – сражаться, ничего не опасаясь, ведь разум пилота не умирает, он после гибели тела продолжает жить в нейросетевых модулях «Одиночки».

Глеб верил постулатам этой новой религии. Десятки его боевых товарищей оживали там, в иной реальности. Извращенная, порожденная войной психология, невозможная для человека, родившегося и выросшего в обычных условиях, стала для Дымова новым смыслом жизни.

Бытие определяет сознание. Древняя истина нашла еще одно подтверждение. Глеб вырос среди машин, человеческие радости и горести бледными тенями прошли мимо, и только в бою, на пике возможностей рассудка, он ощущал себя хозяином собственной судьбы.

Он умел различать искусственные интеллекты «Одиночек», безошибочно классифицировать их, пренебрегая эрзац-сознаниями, чутко ощущая, в каких нейросетях сохранилась матрица рассудка *настоящего* человека, а в каких она – лишь заводская запись.

Он бессмысленно страдал между боями, не понимая ни себя, ни других, часто не находил общего языка с Перегудовым и Хорсом. Они были старше, помнили довоенный мир, их страшила смерть, волновали события, связанные с

ее неизбежным приходом.

Дымова не заботила судьба Земли. За десять лет непрекращающихся боев он растерял большинство идеалов, похоронил прежние мечты и надежды, но не обрел новых.

У него развилась жесточайшая психологическая зависимость, мир вне прямого нейросенсорного контакта с кибернетической системой казался невыносимым, замедленным, бесцветным. Хотелось туда, в иное измерение, но уже *навсегда*.

Текущая боевая задача манила. В ней, как никогда прежде, ощущался предельный риск.

* * *

В капонире, где затаился «Фалангер» Дымова, царила антрацитовая тьма.

Глеб пересек границу маскирующего поля, и обстановка вдруг резко изменилась: из мрака проступили контуры боевого сервомеханизма, источающие ощущение неукротимой мощи. Для пилота исполинский механизм значил намного больше, чем боевой друг или живое, близкое по духу существо. Восприятие титанической силы смягчалось неразрывными узлами глубоких психологических взаимосвязей между человеком и кибернетической системой искусственного интеллекта. Их духовное тождество зачастую принимало самые невероятные, необратимые формы, классифицируемые

психологами как тяжелейшие виды зависимостей, психических расстройств, но страдали ими не только люди. «Одиночки» перенимали от своих пилотов не просто бесценный опыт нестандартного человеческого мышления – они формировали в искусственных нейросетях копии человеческого рассудка, и здесь речь уже идет о двустороннем воздействии. Прямой нейросенсорный контакт необратимо менял и человека, и искусственный интеллект машины.

Глеб спустился в укрытие. «Фалангер» теперь возвышался над ним. Триста двадцатая серия по праву считалась венцом технической мысли. Каждый сантиметр активной брони, под которой за трехслойным корпусом скрывались десятки тысяч подсистем, каждый агрегат, сервоприводный узел, огневая точка или сканер прошли отшлифовку в боевых условиях и были доведены до состояния некоего конструктивного абсолюта.

Восемьдесят тонн кибернетики, металлокерамики, оружия – для кого-то верный боевой друг, для кого-то необузданный зверь, исчадие высочайших, далеко опередивших свою эпоху технологий.

Дымов не задавался вопросом: кем является для него затаившийся в глубине капонира сервомеханизм. Они прошли вместе через столько смертельных испытаний, что уже не мыслили жизнь друг без друга. Для Глеба искусственный интеллект «Фалангера» был ближе, понятнее и дороже любого человека, с кем сводила и беспощадно разлучала судьба

за годы войны. А как иначе? Прямой нейросенсорный контакт – это шаг за предел обычных человеческих возможностей, переход в иное измерение, на другой уровень восприятия окружающего мира и всего происходящего в нем. Сложно выразить словами внезапные и необратимые перемены, наступающие в тот миг, когда рассудку впервые открывается совершенно иная реальность, и блеклый день вдруг распадается навстречу, взрываясь красками неведомых ощущений. Сенсорика машины открывает перед пилотом неведомую вселенную, где он способен видеть, слышать, ощущать в миллионы раз сильнее, ярче, проживать за краткие мгновения целые эпохи, воспринимать окружающий мир посредством мощнейших сканирующих комплексов, не отделяя ни одну из исполнительных подсистем машины от своего тела и разума.

Пространство техногенного боя требует от человека предельной мобилизации моральных и физических сил – доли секунд порой спрессовывают в себе больше информации и событий, чем вмещают иные годы жизни, и при таком невероятном напряжении полное слияние человеческого рассудка и кибернетической системы неизбежно. Те, кто не в состоянии принять иную данность, попросту сходят с ума еще до того, как боевая машина успевает отработать первый такт сложнейшего действия под названием «шаг».

Пилотами не рождаются, ими становятся однажды и навсегда.

Модуль искусственного интеллекта «Беатрис» отвечал Глебу взаимностью. Иначе и быть не могло, ведь «Одиночка» без человека все равно что калекка. Заводской модуль, как правило, чист, у него нет опыта, нет эмоций, привязанностей, лишь холодная рассудительность, ведущая человека и машину по краю губельной пропасти. Пока происходит взаимная притирка двух рассудков, они оба балансируют на грани, но, выжив в первых боях, машина и пилот превращаются в две половинки единого целого. Искусственные нейросети «Одиночки» обучаются с немислимой скоростью, кристаллосхема «ИИ» аккумулирует в нейронных сетях матрицу личности человека и начинает мыслить в унисон с ним, подхватывает каждое ментальное усилие, все реже и реже ошибаясь в толковании приказов и намерений пилота.

Для Глеба его «Фалангер» являлся не монстром, не норовистым зверем, а живым, одухотворенным существом, продолжением собственного «я».

Мысли, пронсящиеся в голове, не мешали Дымову действовать. Он прошел по узкой, оконтуренной искорками точечных сигналов дорожке, машинально отметив, что процесс предстартовой подготовки практически завершён. Фермы стационарного обслуживания все еще находились на месте, замыкая корпус машины в ажурный каркас, но грузоочные люки артпогребов уже сомкнулись, глухой вой сервомоторов, передающиеся по земле вибрации, движение бронированных кожухов, встающих на место после проверки, – все

свидетельствовало о финальной стадии готовности к предстоящему бою.

Дымов встал на овальную плиту, оконтуренную желтыми индикационными сигналами, и вариатор локальной силы тяготения тут же заработал, поднимая пилота на пятнадцатиметровую высоту.

В сумеречном освещении капонира мимо проплывали закрытые трехслойной броней детали боевой машины. Два ступохода, помимо приводов и сложных соединений, обеспечивающих устойчивость «Фалангера» на любых типах рельефа, были усеяны датчиками самостабилизации, сканерами, огневými точками, шарнирными гнездами лазерных трубок автоматической зенитной подсистемы. Наиболее уязвимые места конструкции были покрыты сегментами активной брони, через каждый метр виднелись выпуклости контейнеров, содержащих колонии ремонтных нанороботов.

Глеб посмотрел вверх.

Поворотная платформа «Фалангера» напоминала фрагмент космического корабля. За счет применения сверхлегких, но очень прочных материалов бронирование этого важнейшего узла сервомеханизма местами достигало метровой толщины, по периметру платформы располагались закрытые в данный момент оружейные порты ракетных и артиллерийских установок нижней полусферы. В точках соединения ромбовидных бронеплит крепились противопехотные лазеры и скорострельные автоматические орудия, управляемые

системой «Щит». Эмиттеры суспензорного поля,⁹ не имеющие внешних видимых деталей, располагались под вторым слоем брони, включаясь лишь при критических повреждениях корпуса.

Над поворотной платформой угадывались очертания массивного, обтекаемого, чуть уплощенного корпуса рубки. Сложная геометрия отдельных поверхностей, плавные выступы, выдвигаемые комплексы вооружений, десятки вспомогательных огневых точек, локационные надстройки, сборки коротких пусковых стволов, предназначенных для отстрела фантом-генераторов и контейнеров с нанопылью, формировали уникальный, неповторимый образ машины, который невозможно определить одной геометрической формой.

Внутри рубки (так по традиции именовался основной корпус серв-машины) располагался реактор, хранилище боекомплекта, отсек управления, десятки кибернетических модулей, в боковых и верхней полусферах выступали закрытые в данный момент обтекаемыми кожухами оружейные пилоны, на которых крепились электромагнитные орудия главного калибра, и пять типов ракетных установок, от тяжелых «Легионов», способных поражать орбитальные цели, до автоматических «Москитов», ведущих борьбу с аэрокосмическими истребителями.

Гравитационный подъемник плавно остановил движение

⁹ Смотри пояснение в конце книги.

овальной плиты.

В броне «Фалангера» открылся люк шлюзовой камеры, и Глеб шагнул внутрь.

* * *

Центральную часть отсека управления занимала сложная конструкция пилот-ложемента, окруженного блоками аппаратуры. У «Фалангеров» и «Хоплитов» начиная с двести пятидесятой серии, а также в поздних модификациях аэрокосмического истребителя «Фантом» рабочее место пилота, катапультируемое в случае критических повреждений, приобрело вид и функции герметичной спасательной капсулы, преобразуемой (в силу необходимости) в криогенный модуль.

Глеб поднялся по двум ступенькам. Перед ним с ноющим звуком приводов размыкались дуги амортизационного каркаса, открывая доступ к пилотажному креслу.

Короткий вибрирующий гул под ногами засвидетельствовал, что гироскопы самостабилизации опорно-двигательной системы «Фалангера» перешли в рабочий режим.

Серв-машина завершила процесс самотестирования. «Фалангер» чувствовал приближение схватки, кибернетическая система фиксировала появление пилота, она ждала его, по-своему тосковала, – человек и «Одиночка» обладали единым рассудком, сформированным в результате взаимного

влияния при длительных нейросенсорных контактах, – если называть вещи и явления своими именами, то нужно признать: в психологическом плане они уже не могли прожить друг без друга...

Сев в кресло, Дымов затылочной частью гермошлема коснулся упругого подголовника и замер, позволяя автоматике подключить к гнездам боевого скафандра два десятка стационарных кабелей.

Раздались негромкие, сухие щелчки, тихие вздохи пневматических приводов, затем послышалось резкое шипение, и мир начал преобразоваться.

Замкнулся амортизационный каркас кресла, к броне скафандра накрепко прилепились захваты страховочных фиксаторов, соединивших броню человека и системы ложемента в единый комплекс, следом пришли в движение, поднимаясь от пола рубки, две прозрачные створки из бронепластика, за ними, словно лепестки механического бутона, выдвинулись наполненные аппаратурой поддержания жизни ячеистые сегменты, – они плотно прижались к бронестеклу, проникая сквозь специальные самогерметизирующиеся порты десятками собранных в тугие связки гибких шлангов, и, наконец, четыре бронированных лепестка отсекали неяркий свет, завершив формирование аварийно-спасательной капсулы.

Дымов не обращал внимания на рутинные операции, производимые автоматикой.

Его разум в эти секунды ускользал в иную данность, чтобы к моменту окончания подготовительных процедур соединиться с кибернетической системой серв-машины, восстановив целостность двух половинок сознания, вынужденных в период затишья между боями существовать порознь.

Их духовную связь невозможно описать при помощи слов, означающих привычные для человека чувства. Ни одно определение не подходит – даже произносимые мысленно, они звучат плоско, двумерно, не отражают сути, вводят в заблуждение, порождая беспочвенные домыслы в среде непосвященных.

Активация... Активация... Активация...

Слово билось в рассудке, в такт учатившимся ударам сердца.

Сотни подсистем «Фалангера», соединяясь с разумом пилота через приемопередающие устройства импланта, коренным образом меняли мироощущение человека. Сознание Дымова на миг помутилось, а когда он обрел прежнюю ясность мышления, окружающий мир стал совершенно другим.

Сканеры «Аметиста» были теперь продолжением его нервной системы, границы восприятия резко расширились, открылась способность к «двойному зрению», – специально разработанные программные модули анализировали данные, получаемые от датчиков обнаружения, формировали на их основе понятные человеку образы и транслировали их

непосредственно в разум пилота.

Первый момент контакта похож на контузию. К этому ощущению невозможно привыкнуть, каждый раз оно проходит на уровне таинства, подсистемы «Фалангера» воспринимаются по отдельности: жарко дышит реактор, медленно выпрямляются ступоходы, со звоном отскакивают фермы стационарного обслуживания, сервоузлы, как мышцы, переполненные энергией, слегка дрожат в ожидании действия, с вибрирующим гулом сдвигаются защитные кожухи, открывая орудийные и ракетные порты...

Сонмище несвойственных для человека ощущений врывается в рассудок и внезапно обретает гармонию нечеловеческой мощи – пилот и машина теперь единый кибернетический организм...

– Глеб, не дури! – Голос комбата, транслируемый системой связи, вторгся в мысли чужеродной нотой, прозвучал громко, требовательно, пытаясь вернуть разум Дымова в серость безысходных будней, отнять у него право догореть дотла, перейти на качественно иной уровень бытия, поставить, наконец, точку и больше не возвращаться в унылую реальность.

– Ноль семнадцатый, завершена загрузка и тестирование подсистем, – машинально ответил Глеб. Его пальцы уже скользили по усеянным текстоглифами¹⁰ широким под-

¹⁰ *Текстоглиф* – символ, шифрующий определенную командную последовательность.

локотникам кресла; пилот-ложемент повернулся, центруясь относительно рубки, включились десять голографических экранов, обеспечивающих стопроцентный сферический обзор.

– Глеб, я только что получил сообщение по ГЧ! Флот Колоний начал штурм Солнечной системы! Ты понимаешь, что это значит?! Война завершена, капитан! Нам больше не нужна эта планета! Все кончено. Дымов, ты слышишь меня?! Сегодня в бой идут «Одиночки». Мы остаемся!

– Извини, командир, – хрипло ответил Глеб. – Тут каждый решает за себя. – Он временно отключил внешний канал связи, машинально завершая процедуру подготовки к бою.

Глеб знал, что рано или поздно этот день наступит. Не чаял, конечно, дожить до него, вернее сказать, надеялся, что полное, окончательное перерождение произойдет раньше, и сейчас на краткий миг пришла озлобленная растерянность.

Глеб? Что происходит?

Мысленный вопрос «Одиночки» ожег разум, и капитан не сразу нашелся, что ответить.

Ника меня не предаст, – промелькнула мысль.

Системы боевого искусственного интеллекта «Beatris-27DU» стали устанавливать на машины начиная с двести семидесятой серии. По количеству нейромодулей «Beatris» в разы превосходила своих предшественников – эта модель обладала беспрецедентными нейросетевыми мощностями, позволяющими киберсистеме сформировать и

развить свой уникальный рассудок, но Глеб знал абсолютно точно: количество выпущенных кристаллосфер ограничено, они так и не попали в серию, им никогда не устанавливались «синтетические сознания», – «Beatris-27DU» всегда работали в контакте с *живыми* пилотами.

Погибали ли они вместе с человеком или продолжали воевать – для Дымова оставалось загадкой.

В их дивизионе насчитывалось всего три «Фалангера» триста двадцатой серии, и ни один из них не получал критических повреждений в ходе боев, по крайней мере на его памяти.

– *Слышала, что сказал комбат?*

Женский голос, звучащий в рассудке, имя собственное, мысленно произнесенное Глебом, – ничто не являлось случайным, надуманным или навязанным посторонней волей. Ментальная связь между человеком и системой искусственного интеллекта серв-машины возникает не сразу, не вдруг. «Одиночка» читает память пилота, адаптируется к его образу мышления, ищет в глубинах сознания облик, вызывающий положительную ответную реакцию, и формирует некий абстрактный, нематериальный аватар, виртуальный образ, который мысленно воспринимает пилот.

В случае с Дымовым основой для создания аватара стал образ девушки по имени Ника – его первая и единственная юношеская любовь, память о которой материализовалась спустя много лет, на уровне нейросенсорного контакта

с искусственным интеллектом серв-машины.

Выбор «Одиночки» нельзя назвать случайным. Поиск нужного образа в памяти пилота являлся одной из функций программного модуля адаптации и частью созданного для машины инстинкта самосохранения. Пилот воспринимал образ, пожертвовать которым он бы не сумел в самой тяжелой ситуации. Первые бои, пока кибернетическая система машины только начинала накопление боевого опыта, пока шла ментальная притирка между человеком и искусственным рассудком «Одиночки», правильно подобранный аватар помогал выжить им обоим, ну а дальше...

Дальше их затягивала пучина нейросенсорного контакта. Модуль искусственного интеллекта обретал индивидуальность, основанную на чертах характера пилота, а человек постепенно начинал отождествлять себя с сервомеханизмом, подвергая машину лишь разумному риску...

Конец войне... – Глеб мысленно усмехнулся. – Хорс с Перегудовым тешат себя мечтами. Они думают, что тридцатилетнее противостояние можно остановить либо повернуть вспять. Ничего подобного. Пусть Флот Колоний прорвется к Земле, но что это изменит? Тысячи отдельно дислоцированных гарнизонов, сотни планетарных баз периферии, армады машин, сосредоточенные вне границ обитаемого космоса, не пострадают от удара, нанесенного по Солнечной системе, которая давно – лишь символ. Альянс восстанет из пепла, как мифический феникс. Жаль, конечно, старушку Землю, но

ее оккупация ничего не изменит, лишь придаст новый импульс войне, окончательно освободит искусственные разумы от диктата горстки сумасшедших стариков, засевших в генштабе.

Все системы «Фалангера» реактивировались.

– *Твое решение, Глеб?* – спокойно осведомилась Ника.

– *Боевая задача загружена?* – В его мысленном ответе все еще звучал отголосок раздражения, испытанного при разговоре с комбатом.

– *Да. Захват позиций седьмой батареей ПКО противника, овладение господствующими высотами. Два батальона штурмовых сервов уже начали выдвижение по склонам, согласно графику операции.*

– *Ведомые?*

– *На исходных позициях. Командный интерфейс загружен. Режим ожидания. Ты не ответил на вопрос. Что происходит, Глеб?*

Если б он знал, то ответил бы честно и прямо. От Ники у него не было тайн.

Конец войне... Словосочетание казалось тяжелым, непонятным, оно ударило, словно удачно брошенный булыжник, оглушив, заставив рассудок на миг помутиться. Глеб чувствовал, что искусственный интеллект «Фалангера» ждет ответа, мысленно пытался найти его, но ничего не получалось: в сознании мелькали обрывочные образы, там на некоторое время воцарился хаос, с одной стороны, логика подсказыва-

да, что захват Солнечной системы силами Колоний оборвет нити централизованного управления флотами, часть сил, таких как отдельная штурмовая бригада на Роуге, просто окажется предоставлена сама себе, брошена на произвол судьбы, и, значит, начинающаяся битва станет особенно тяжелой и ожесточенной, – теперь им остается лишь одно – драться до последнего серва, до последнего эрга в накопителях, до последнего снаряда в артпогребах...

Да. Именно так. Нам остается захватить планету или умереть...

Для Глеба смерть в бою казалась предпочтительнее. Страх перед физической кончиной не тяготел над ним. Разум пилота, деформированный уверенностью, что смерть – лишь переход сознания на новый уровень бытия, страшился иного исхода – остаться в живых и оказаться запертым в хрупкой, капризной, требовательной к условиям внешней среды, уязвимой оболочке человеческого тела.

Мне нет места в этой реальности. Машины продолжат войну... и я стану сражаться вместе с ними, но уже в другой ипостаси, а что будет потом? Там и посмотрим...

– Включи каналы связи. Начинаем движение, – мысленно произнес он, так и не ответив на вопрос Ники.

Искусственный интеллект серв-машины не стал настаивать на разъяснениях. Хаос мыслей, промелькнувший в рассудке Глеба, полностью воспринимался кибернетической системой, и она удовольствовалась этим, никак не обозначив

своего отношения к происходящему.

– *Приказ принят*, – лаконичный ответ прозвучал в сознании Глеба сухо и бесстрастно.

На голографических мониторах рубки отобразилась компьютерная модель рельефа местности.

Отвесные горные склоны начинались в трех километрах от стационарных позиций батальона, для штурмовых сервов они не помеха, да и для взвода серв-машин по большому счету – препятствие преодолимое, но тратить ресурс прыжковых ускорителей в самом начале операции, пока не поражены огневые точки на господствующих высотах, Дымов не собирался.

– *Ника, приказ звену «Нибелунгов» – не проявлять активности. Ждать моей команды под прикрытием фантом-генераторов.*

– *Задача передана.*

На сером склоне зашевелились смутные тени.

Пока шли последние минуты подготовки к атаке, технические сервы обработали машины взвода составом «хамелеон», и теперь «Фалангер» Дымова, как и четыре ведомых «Хоплита», мимикрировали, сливаясь с фоном местности, даже отсветы от пляшущих в горах разрывов не высвечивали контуры серв-машин.

– На связи «командный-два». Приступаю к выполнению задачи. Прошу уточнить поддержку по флангам.

К Дымову вернулась уверенность. Он чувствовал себя на-

много лучше, чем час назад, когда лежал, отвернувшись к стене бункера, и предавался мрачным размышлениям. На голографических экранах расступалась вязкая тьма, открывая взгляду подробности рельефа, справа и слева двигались пары «Хоплитов», в районе низких орбит планеты частыми, рваными сполохами растекалось сияние от разрядов плазмы – это системы ПКО противника били по сигнатурам, фиксируя множественные гиперпространственные переходы.

Может, комбат ошибся и не все так плохо? Если началась битва за Землю, какой смысл бросать силы флота на штурм Роуга?

Глеб был хорошим пилотом, но, воспитанный в рамках армейской дисциплины, он чурался всяческой политики, отождествляя ее с чем-то грязным, скользким, ненадежным и даже вредным. Замыслы командования он не обсуждал, сужая их до рамок конкретной боевой задачи. Вот и сейчас, мельком подумав о причинах, заставивших генштаб отправить часть ударных кораблей на штурм планеты, он почувствовал, что за этим стоят непонятные, далеко идущие замыслы, но прикосаться к ним не хотелось даже мысленно, все равно не поймешь, лишь испачкаешься подозрениями и домыслами.

Таким станет и послевоенный мир, – внезапно подумалось ему. – Люди, уцелевшие на суверенных планетах, будут тянуть одеяло на себя, использовать любые средства для достижения сиюминутных, только им понятных и выгодных

целей, применяя для этого мощь флотов, серв-соединений, и это будет продолжаться до бесконечности...

Ника ловила его обрывочные мысли, не комментируя их.

Тем временем лавина штурмовых сервов уже преодолела отрезок пологого склона, часть из них узким стремительным ручейком вливалась в черный разлом ущелья, большинство же карабкалось по скалам, ведя непрерывный огонь по обнаруженным датчикам противника.¹¹

– Дымов, я с тобой разберусь! – пробасил коммуникатор голосом Перегудова. – Я же просил, не лезь! Это не наш бой!

– Я получил конкретную боевую задачу и собираюсь ее выполнить, – упрямо ответил Глеб. – Будут уточнения по дислокации сил?

Комбат зло выругался, но все же ответил:

– Слева от тебя начал движение третий взвод. Справа развивают атаку основные силы батальона.

– Понял. Передаю данные боевого взаимодействия. Встретимся наверху. Конец связи.

«Фалангер» Дымова уже преодолел пологий склон.

В полукилометре от позиции серв-машины вал огня и металла зримой, упругой, брызжущей разрывами волной катился по скалам. Небольшие по размерам, цепкие, шустрые сервы приняли на себя первый удар, – уничтожая датчики,

¹¹ Датчики раннего обнаружения, как правило, высеваются по площади. Обычно раз в сутки пространство перед укреплениями обстреливается контейнерами, содержащими миллионы микросканеров.

отвлекая внимание противника, они расчищали коридоры для продвижения тяжелой техники. Тысячи сервомеханизмов, заранее списанные в невосполнимый процент потерь, выполняли сейчас адскую черновую работу.

Ритмика боя захлестнула рассудок Глеба и уже не отпускала. Темп событий ускорился с каждой секундой, окружающее пространство необратимо менялось, – над перевалом появилось звено штурмовиков противника, «Аметист» мгновенно зафиксировал их, но раскрывать позицию, атакуя воздушные цели, Глеб не стал, у него имелась более важная задача: на одной из горных вершин системы боевого сканирования определили работу четырех генераторов плазмы, объединенных в батарею.

Атака штурмовых сервов грозила вот-вот захлебнуться. Около сотни уцелевших машин, впившись в скалы, вели непрерывный огонь по укрепленным позициям противника, но остановка в бою равнозначна смерти, – их участь уже предрешена, и сопротивление продлится не более минуты...

Ника, активируй «Легион»! Разрешаю удар «Пилумами» по позиции батареи плазмогенераторов! – Отдав приказ, Глеб коснулся текстоглифа, запускающего оборонительную командную последовательность. Из коротких, расположенных по бортам рубки пусковых тубусов вырвались хоботки пламени, и через секунду окрестности начала заволакивать взвесь дыма и металлических частиц, – непроницаемые для лазерного огня облака всклубились вдоль склона, блокиро-

вав работу сканеров противника, вынуждая звено штурмовиков прекратить атаку...

Ведомые «Хоплиты» разделились. Первая пара, двигаясь на зыбкой границе маскирующего облака, вступила в бой со штурмовиками, вторая выдвинулась вперед, машины восстановили связь с уцелевшими пехотными сервами, затем проанализировали состав и структуру горных пород и открыли огонь, провоцируя обвалы, формируя подобие исполинских ступеней, соединенных между собой коварными оползнями.

Для Глеба действия ведомых машин являлись очевидными, не требующими особого внимания или вмешательства с его стороны, – пока «Хоплиты» выполняли стандартные процедуры, обеспечивая прикрытие и прокладывая путь для подъема по скалам, «Фалангер» Дымова произвел залп тяжелыми ракетами с разделяющимися боевыми частями, нацелив удар по зафиксированной позиции батареи плазмогенераторов.

Тактическая обстановка менялась с каждой секундой.

Горячая после запуска установка «Легион» еще опускалась в специальную нишу, а серв-машина уже начала движение сквозь облако маскирующей завесы, к уступам скал, образовавшимся в результате обвалов, вызванных огнем «Хоплитов».

Ника автоматически регулировала работу генератора искусственной гравитации, увеличивая либо уменьшая вес «Фалангера», ступоходы машины с зубовным скрежетом

царапали камень, вгрызаясь ребристыми твердосплавными вставками в малейшие неровности выбитых «Хоплитами» исполинских ступеней.

На экранах бокового обзора проплывали подробности кипящего боя – около трехсот сервов штурмовой поддержки, подтянутые из резерва, огрызаясь огнем лазерных и электромагнитных установок, неслись вверх по склону, обтекая «Фалангер» сплошной шевелящейся массой, – они карабкались по скалам, цепляясь гибкими, не имеющими сочленений конечностями за малейшие трещины или выступы, останавливались, сканируя местность, и снова устремлялись вверх, навстречу шквальному огню укрепленных позиций, расположенных на подступах к атакованной батарее противокосмических орудий.

Штурмовики противника, потеряв главную цель, с ревом проносились над облаком дымовой завесы, на миг их сканеры поймали сигнатуру ведомого «Хоплита», и четыре «Гепарда», совершив стремительный боевой разворот, ударили ракетами. По правому борту, в трехстах метрах от машины Глеба, прокатилась судорога разрывов; мгновенно открывшийся канал телеметрии данных, принятый и обработанный Никой, выдал в отдельное оперативное окно отчет о повреждениях ведомой машины – ракеты не попали в цель, лишь осколками поцарапало броню да пара снарядов оставила глубокие выщербины в керамлите, сбив один из датчиков «Хоплита».

Взвод боевых планетарных машин вел шквальный зенитный огонь, – планетарные танки, не в силах вскарабкаться по отвесным скалам, были вынуждены осуществлять поддержку с тыловых позиций, но их своевременное вмешательство дало результат: один из «Гепардов» внезапно превратился в пылающий факел, косо перечеркнул темный небосвод и врезался в скалы...

Поднимаясь по пологой осыпи на очередной уступ, Глеб открыл огонь из орудийных установок.

Гаусс-снаряды взламывали скалы, крошили стеклобетон, прошивали бронелисты, взрываясь внутри близлежащих укреплений. Торс «Фалангера» постоянно находился в движении, доворачивая на текущую цель, орудия, закрепленные на независимых подвесках, выли сервомоторами точной наводки, пятитактовые очереди отдавались в сознании пилота глухой, ритмичной вибрацией, автоматические зенитные установки периодически озарялись сполохами ракетных запусков либо воем очередей из скорострельных спаренных автоматов, еще один «Гепард» взорвался в воздухе, а два оставшихся штурмовика начали резко набирать высоту, уходя к горным вершинам.

Ведомые «Хоплиты» первыми ворвались на огромную площадку, где располагались передовые укрепления, защищающие седьмую батарею ПКО.

Сверху по ним ударили мощные лазерные установки.

Удары когерентного излучения неслись параллельно

склонам, впивались в камень, взрывая скальную породу облачками праха, огромные деревья хвойных пород, составляющие основу маскирующих лесопосадок, вспыхивали, словно факелы, падали, подрубленные у корней, – окружающее пространство, озаренное заревом пожаров, рассеченное глубокими черными тенями, теперь походило на зону глобальной катастрофы. Каждый метр скал либо принимал удары, либо огрызался ответным огнем, все смешалось – атакующий бросок батальона взломал передовые рубежи обороны, сотни сервов уже прорвались мимо разрушенных укреплений первой линии, но с господствующих высот по ним продолжали бить стационарные орудия, кроме того, сканеры «Фалангера» четко фиксировали две группы «шагающих лазеров», которые, заняв позиции на склонах, открыли ураганный огонь, сжигая десятки наступающих сервомеханизмов. Сотни сигнатур контратакующих пехотных сервов лавиной катились вниз, навстречу штурмовым группам Альянса, в некоторых местах схватки между машинами вскипали на дистанциях в десять-пятнадцать метров, когда противники в буквальном смысле «видели» друг друга уже без посредства сканеров.

Глеб упрямо вел «Фалангер» к намеченной точке, не отвлекаясь на всякую мелочь. Орудия и ракетные установки его серв-машины били только по крупным стационарным целям, взламывая скалы и укрепления на глубину десяти-пятнадцати метров. Он чувствовал, как с каждой секундой воз-

растает ожесточенное напряжение схватки, «Аметист» периодически выдавал предупреждения о сбоях, – вокруг бушевали энергии, сравнимые со внезапно начавшимся извержением сотни вулканов, участки раскаленных горных пород взрывались от перегрева, источали прозрачно-красное сияние, сотни разрывов перепахивали склоны, каждый миг меняя интенсивность свечения и узор огненных рек...

Адский грохот затравленным эхом метался меж скальных уступов, обвалы и оползни становились все чаще, огромные глыбы камня, весом по нескольку тонн, рушились вниз, сметая все на своем пути.

Батальон прошел всего семьсот метров, прорвав передовую линию укреплений противника, и увяз, попав под перекрестный огонь в небольшой долине.

Один из ведомых «Хоплитов», получив не менее полусотни лазерных попаданий, внезапно вспыхнул, а затем взорвался, в доли секунды превратившись в багряно-черный сгусток пламени.

Атака вновь захлебнулась, все меньше штурмовых сервов отвечало огнем на огонь, планетарные танки безнадежно застряли внизу, по флангам примерно на тех же высотах вели тяжелый бой механизированные группы, возглавляемые Перегудовым и Хорсом.

Нужно срочно ломать ситуацию. Глеб не понимал причины, почему поддержка с орбиты безнадежно запаздывает. Из-за множества маскирующих полей, помех, пожаров,

взрывов, сложного рельефа местности он не мог дотянуться сканирующим излучением до зоны низких орбит, он воспринимал лишь потоки бурлящих в небесах энергий да фиксировал работу соседних, не поврежденных батареей противокосмической обороны противника. По всем признакам, на подступах к планете шел тяжелый бой, несколько раз над позициями батальона проносились группы аэрокосмических истребителей, но они не вели огня по наземным целям, а вновь взмывали вверх, туда, где огненными болидами сгорали обломки космических кораблей и фрагменты станций противокосмической обороны.

Переключив «Аметист» в режим фильтрации помех, Глеб сосредоточился на окружающей обстановке, и через пару секунд кое-что начало проясняться. По информации боевого сканирующего комплекса, впереди и выше, вытянувшись в виде «подковы», располагалась вторая линия укреплений, защищающая ближние подступы к седьмой батарее ПКО...

Долина, куда вышла его механизированная группа, оказалась самой настоящей ловушкой. Сотни боевых машин противника, в основном «LDL-55»¹² и «MX-300»,¹³ окольцевали впадину, в буквальном смысле расстреливая наступающих.

Критический момент наступил, и сейчас требовалось найти немедленный выход из ситуации.

«Нибелунги».

¹² «LDL-55» – модель шагающей лазерной установки колонистов.

¹³ «MX-300» – модель самодвижущегося реактивного миномета.

Только огневая мощь штурмовых носителей способна вырвать батальон из-под удара, но Глеб командовал лишь тремя боевыми единицами этого класса, а связи с Хорсом и Перегудовым не было, она оборвалась еще минут пять назад.

Он не раздумывал, как поступить. Лазерные разряды взрывали скалы уже в нескольких метрах от «Фалангера», Глеб вел огонь из всех видов бортового вооружения, ведомые «Хоплиты» прикрывали фланги, но их огневой мощи явно не хватало, чтобы переломить ход схватки.

Впереди, запирая выход из долины, вырастала отвесная стена. Глеб отчетливо видел слоистую структуру серой скальной породы – ненадежную, покрытую трещинами, хранящую следы множественных осыпей, кое-где испятнанную влагой...

Отдав мысленный приказ, он чуть замедлил ход серв-машины.

Рубка «Фалангера» повернулась относительно платформы, и массивный орудийно-ракетный залп сбил фрагмент нависающего над долиной скального выступа, обрушив вниз сотни тонн камня, увлекая в обвал десятки вражеских машин, и тут же, не останавливаясь, Глеб отработал реверсом двигателей, пропуская мимо шквал снарядов ответного залпа.

Глухо билось сердце.

С тонким воем перезаряжались орудийные и ракетные комплексы – боевой эскалатор подавал из артпогребов оста-

ток боекомплекта.

Еще минута – и от его взвода останется лишь воспоминание в виде завалов покоренной, выгоревшей техники.

Мысленные приказы Дымова, транслируемые Никой через локальную сеть, заставили подразделение резко изменить тактику: штурмовые сервы моментально рассредоточились, маскируясь, прекращая огонь, три ведомых «Хоплита» отстрелили фантом-генераторы, создавая десятки ложных сигнатур, привлекая внимание противника, а сами, расходуя остаток боекомплекта, начали обстрел обнаруженных позиций ПВО.

Глеб остановил «Фалангер» и произвел залп из всех ракетных установок. Гребень подковообразной возвышенности содрогнулся, окутался черно-оранжевыми сполохами разрывов, расплзающимися в плотные пылевые облака, внутри которых продолжали сверкать частые хаотичные вспышки.

«LDL-55», частично уничтоженные, а частью потерявшие возможность вести прицельный огонь, отступили, и ситуация вдруг замерла на грани, – атака захлебнулась, взвод по-прежнему находился в ловушке, оперативный боекомплект серв-машин был исчерпан, но и укрепления противника уже не представляли сплошной неприступной линии...

Пора...

Мысленный приказ ушел в эфир на канале командной частоты.

Несколько секунд, отмеченных глухими ударами сердца, показались Глебу вечностью.

Ника докладывала о полученных повреждениях, а он напряженно ждал, наблюдая, как пылают подбитые машины, с грохотом срываются обвалы камней, как мечется пламя по гребню отвесных скал, образующих каменный мешок, куда угодил его взвод, как медленно, будто «притормаживая», система боевого сканирования чертит разорванную линию вражеских укреплений...

Противник, наверное, подсчитывает потери и торжествует. Непрístupные позиции выстояли. Так думают они. Но Глеб, бросив в бой свой последний и единственный резерв, считал иначе.

Внезапно в глубоком тылу, словно призраки, возникли три неясные, расплывчатые сигнатуры. Они поднялись в воздух и стремительно материализовались, сбрасывая вуаль фантом-генераторов: массиванный залп тяжелых ракетных установок и генераторов плазмы конвульсивной судорогой ударил по площади в несколько сот квадратных километров – это три приданных взводу штурмовых носителя покинули укрытия, сметая ураганным огнем второй рубеж обороны. Сплошной вал разрывов возник в сотне метров от «Фалангера» и покотился в глубь горной страны, выжигая бункера, сметая сервомеханизмы, оставляя после себя лишь покрытые воронками, объятые огнем исковерканные скалы...

Около двух минут по господствующим над долиной высо-

там плясало неистовое пламя разрывов, смешанное с бледным сиянием плазменных сгустков и ослепительно-яркими, магниевыми вспышками изломанных энергетических нитей, бьющих во все стороны, взрывающих скалы, поджигающих деревья, разрушающих технику... Затем два штурмовых носителя, не прекращая ураганного огня, двинулись вперед, а третий начал снижаться, чтобы подобрать «Фалангер» и уцелевшие «Хоплиты».

В днище носителя открылись технические люки, оттуда выдвинулись захваты, предназначенные для подбора и экстренной транспортировки серв-машин, – через несколько мгновений Глеб услышал лязг, сопровождаемый напряженным гулом фиксирующего поля, и его «Фалангер», оторвавшись от земли, начал резко подниматься вверх.

* * *

«Нибелунг» поднял машины на высоту пятисот метров, затем, не прекращая зачищать местность огнем с нижней полусферы, пошел на посадку, к небольшому горному плато, расположенному уже за второй линией вражеских укреплений. От плоскогорья ветвилась, расходясь в разных направлениях, сеть дорог, два штурмовых носителя, вырвавшиеся вперед, взламывали сейчас третий рубеж обороны, в ночи опять бесновалось пламя неистовой схватки, и в этом неровном, мятущемся свете Глеб внезапно увидел поразившую его

картину: в стороне от позиций седьмой батареи ПКО, в глубине горной страны, в одной из окруженных хребтами долин располагались стартовые площадки космодрома, а неподалеку, в ответвлениях искусственно расширенных ущелий, перекрывая их, врезааясь в скалы, высились исполинские сооружения.

– Ника, отсканируй.

Система анализа целей почти мгновенно выдала результат.

К стартовым площадкам, над которыми возвышались смазанные работой маскирующего поля контуры пяти не поддающихся идентификации космических кораблей, примыкали сооружения наземных доков космоверфи, а рядом, под искусственными перекрытиями, в глубине расширенных ущелий, таились здания производственных цехов и инженерно-лабораторных комплексов!..

Дымова поразили масштабы сооружений, закрытых от обнаружения с орбит искусственными перекрытиями, поверх которых был воссоздан настоящий горный рельеф. Сотни дорог связывали между собой технические, лабораторные комплексы, производственные цеха, сборочные и стартовые площадки.

Форма и внутреннее содержание космических кораблей также не поддавались мгновенному анализу. Это было нечто принципиально новое, не виданное ранее...

По размерам застывшие на стеклобетонных стартовых по-

лях левиафаны не уступали фрегатам Альянса, но обводы их корпусов, компоновка надстроек и отсеков «наружного слоя» не имели ничего общего с традиционными техническими решениями. Толстая броня, антисканерное покрытие и работа генераторов маскирующих полей затрудняли процесс дистанционного исследования, и в результате Глеб видел лишь общие, лишённые подробностей строения контуры объектов, внутри которых тлели едва различимые сигнатуры работающих энергосистем.

Вот, оказывается, что так стойко и упорно защищали силы планетарных соединений противника!

Пока он пытался осмыслить увиденное, тактическая подсистема «Фалангера» собрала данные обстановки, выводя на отдельный монитор схему расположения сотен огневых точек, прикрывающих необычный комплекс от атак с земли и воздуха.

Неизвестно, какое количество серверов скрывается сейчас во внутрискальных коммуникациях... – подумал Глеб. Одним взводом сервер-машин тут явно не справиться, да и батальону без поддержки из космоса не прорвать столь мощные рубежи...

И все же попытаться стоит. Надо найти способ связаться с комбатом, скоординировать действия батальона, оповестить боевые единицы флота, по непонятной причине все еще ведущие бой в районе низких орбит.

Разведка боем? – Глеб мысленно спорил с самим собой,

зная, что Ника слышит и анализирует ход его рассуждений. – *Позиция удобная. Если бросить в атаку штурмовых сервов и поддержать их огнем с плоскогорья, можно съмитировать нештучную атаку, заставить большинство огневых точек и рубежей обнаружить себя...*

– Глеб, сформулированные тобой задачи трудновыполнимы, – вмешался в его мысли комментарий кибернетической системы «Фалангера».

– А когда нам было легко, Ника? Трудно, но выполнимо, если синхронизировать свои действия с атакой основных сил батальона и переориентировать корабли флота, проинформировав их об обнаружении комплекса космической верфи.

– Связи нет, – ответила аудиосистема голосом Ники. – Мы все еще действуем в автономном режиме, – напомнила она. – Рекомендую игнорировать обнаруженный комплекс и продолжить выполнение основной задачи. Наша цель – захват и удержание позиций седьмой батареи ПКО противника.

– Я помню, – недовольно буркнул Глеб, все еще размышляя над сложившейся ситуацией. Развивать атаку, оставляя по правому флангу укрепления комплекса, а затем получить неожиданный удар от загадочных космических кораблей? Такой план действий был попросту глуп. В свете внезапно открывшихся обстоятельств дальнейшая атака на позиции седьмой батареи теряла смысл. Два штурмовых носителя и так перепахали там все, не оставив ни одного способного к сопротивлению серва. Для кораблей флота расчищен ко-

ридор сближения с планетой, а подставляя себя под удар, взбираясь на высоту, под фланговым огнем обнаруженных укреплений Глеб не собирался.

– Ника, измени тактическую задачу взвода, – приказал он.

– Новая цель?

– Доки космической верфи и космический порт. Инструкция для автоматических механизмов – уничтожить только огневые точки противника, не разрушая промышленную инфраструктуру.

– Задача принята. Формирую файл инструкций.

Тем временем штурмовой носитель завершил маневр снижения, подготовившись к высадке и перезарядке серв-машин. Два «Нибелунга», прорвавшиеся в район дислокации седьмой батареи противокосмических орудий, завершили зачистку местности, но один из них, получив серьезные повреждения, шел на вынужденную посадку, второй, подавив основные очаги сопротивления, сопровождал его.

Ступоходы «Фалангера» коснулись каменистой пустоши.

– Инструкции переданы. Сервы пехотной поддержки движутся медленно – есть остаточное сопротивление, поэтому основные силы прибудут в точку сбора через семь с половиной минут.

– Хорошо. Пока перезаряжаемся. Сканируй структуру сооружений, нужно выяснить, что еще, кроме космической верфи, скрывают ущелья и внутрискальные комплексы. Автомат связи – на поиск. Мне нужен канал обмена данными с

командиром батальона и орбитой.

– Исполняю.

Пара минут прошла в томительном ожидании. Штурмовой носитель, освободив «Фалангер» и трех «Хоплитов» от транспортных захватов, установил генераторы маскирующего поля по периметру зоны высадки и приступил к перезарядке серв-машин.

Глеб напряженно следил за обстановкой, пока выпущенные с борта «Нибелунга» автоматы технической поддержки отсоединяли съемные артпогреба, расположенные в кормовой части машин, заменяя их на полные, снаряженные боекомплектom.

Постепенно небольшими группами начали подтягиваться штурмовые сервы, занимая позиции по периметру возвышенности.

Вариатор частот на панели связи внезапно остановил режим поиска, аудиосистема передала треск помех, сквозь который вдруг прорвался хриплый надсаженный голос Перегудова:

– Кто меня слышит, ответьте?! – комбат по непонятной причине вышел на открытой частоте. – Повторяю...

– Дымов на связи! – коротко отозвался Глеб.

– Глеб, выручай! Мой «Фалангер» поврежден! Хорса убили!

Отрывистые фразы командира батальона заставили Глеба вздрогнуть. Мгновенно исчезла усталость, организм мо-

близовался за доли секунд.

Что там могло произойти?!

– Координаты?! Я вышлю «Нибелунг» для эвакуации!

В эфире опять раскатился треск помех, затем вернулся прерывистый голос:

– «Одиночка»... Снарядом... Кристаллосферу вдребезги... Ничего не вижу... Кровь...

– Катапультируйся! Я подберу капсулу!

Тишина...

У Глеба по спине пробежала дрожь. Модуль искусственного интеллекта в «Фалангере» комбата уничтожен, спасательная капсула, по-видимому, повреждена...

Хорс погиб... Проклятие... Что же там произошло?! Никаких «особенных» рубежей обороны по флангам не было!

Ника, сканируй! Отыщи их машины!

В этот миг на зачищенной от противника высоте ударил неожиданный взрыв. Штурмовой носитель, поврежденный при прорыве третьей линии укреплений, уже завершив процедуру аварийной посадки, внезапно начал распадаться на части, словно по нему произвели залп из тяжелых орудий системы ПКО. Нестерпимо-яркий огненный пузырь вспух на позициях разгромленной батареи противника, чудовищной силы ударная волна рванула во все стороны, сбегая по склонам конвульсией оползней и камнепадов, отламывая много-тонные выступы скал, сметая все на своем пути...

«Фалангер» Дымова лишь покачнулся.

Тревожный сигнал «Аметиста» вырвал сознание Глеба из секундного ступора. Причина взрыва «Нибелунга» не определена. Связь со вторым штурмовым носителем внезапно прервалась, лишь визуально Глеб мог наблюдать, что корабль начал боевой маневр, набирая высоту, огрызаясь из всех орудийных и ракетных установок нижней полусферы по невидимым для капитана целям.

Проклятие... – вновь мысленно повторил он. – Фрайг по-бери, что же происходит?!

Ему ничего не оставалось кроме как рискнуть, пожертвовав маскировкой ради информации. Отстрелив две капсулы с наномашинами, Дымов взглянул на целевой монитор. Связь с «Нибелунгом» восстановилась, телеметрия данных с его сканеров пополнила умопомрачающую картину, сформированную тактической подсистемой: из глубины горной страны, с фронта и флангов катился сплошной вал алых засечек. Противник начал контратаку, но ни один из сигналов на целевых мониторах не поддавался идентификации!

С момента получения рокового сообщения от комбата Глеба не покидало подсознательное ощущение предопределенности событий. Непонятная сила, скрывавшаяся в глубинах горной страны, вторглась в хорошо продуманный план штурма, – сначала захлебнулась атака на орбитальные станции, и корабли флота, высланные для поддержки наземной операции, увязли в районе орбит, неся потери, несмотря на расчищенный для них коридор сближения с планетой, за-

тем что-то непонятное произошло на флангах. Глеб хорошо изучил данные разведки и был уверен, что на Роуге нет реальной силы, способной критически повредить современную модель «Фалангера» в открытом бою, а уж пробить броню вместе с оболочками, защищающими пилот-ложемент, и по-прежнему, – для этого понадобилось бы либо подставить машину под огонь противокосмических орудий, либо вступить в бой одновременно с сотней шагающих лазеров. Учитывая опыт Перегудова, и то, и другое казалось маловероятным, но тем не менее Хорс погиб, командир батальона тяжело ранен, а на позицию его взвода с трех направлений движутся сотни непонятных механизмов...

– Ника, сканируй их! Используй системы обнаружения штурмового носителя!

– Я работаю!

Через некоторое время в объеме отдельного голографического экрана возникла модель: сервы противника, поднявшиеся в контратаку, не имели аналогов среди доступных баз данных, классифицирующих планетарную технику колонистов. Они были в два раза крупнее шагающих лазеров, но что самое скверное – их сигнатуры мало что говорили Дымову.

– Ника, детализируй их подсистемы!

На мониторе пошла развертка данных.

Глеб не увидел ничего утешительного. Уплощенные, обтекаемые корпуса машин противника имели семь метров в длину и полтора метра в поперечном сечении. «Тулови-

ще», заостряющееся к носовой части, делилось на пять подвижных сегментов; расположенные внахлест бронепластины позволяли корпусу машины пластично изгибаться, совершать сложные движения в трех пространственных измерениях, ловко преодолевая горный рельеф. Из систем вооружений каждый механизм нес одно мощное гаусс-орудие, жестко закрепленное по курсу, две лазерные и две ракетные установки, выступающие по бортам, чуть смещенные к корме. Обнаруженные Никой диафрагменные оружейные порты, скорее всего, скрывали скорострельные зенитные орудия небольшого калибра. Передвигались сервы на шести конечностях. Мощные механические лапы имели необычное строение: словно у земноводных, они отходили от туловища вбок, параллельно почве, а затем изгибались вниз, оканчиваясь длинными, похожими на ветвь многосуставчатыми «пальцами», оснащенными цепкими когтями-манипуляторами. Приземистые, отлично вооруженные, адаптированные к ведению боевых действий в условиях горной местности, они продвигались быстро и ловко, умело используя естественные укрытия.

Буквально за минуту ситуация стала критической.

Небольшое по размерам плато, куда «Нибелунг» доставил машины взвода, хоть и являлось господствующей высотой для локального фрагмента территории, но в плане активной обороны оно подходило слабо. Ненадежные, покрытые трещинами, обрывистые края грозили обвалом при первом же

попадании, подходить к ним было опасно, учитывая наличие у противника тяжелых гаусс-орудий, значит, о ведении огня из «ЭМГОВ»¹⁴ прямой наводкой придется забыть. Сдерживать противника в такой ситуации лучше ракетами, осуществляя запуски с центра возвышенности, что вполнину снижало огневую мощь и мобильность группы серв-машин.

Пока механизмы штурмового носителя завершали перезарядку, у Глеба еще оставалось секунд сорок на принятие решения.

Наступающие сервы противника, в отличие от других образцов колониальной техники, таких как шагающие лазеры или бродячие реактивные минометы, вели себя с осторожностью: они рассредоточились, двигались медленно, – создавалось ощущение, что три опытные стаи механических хищников обнаружили цель и сейчас замыкают кольцо вокруг демаскированной запуском наномашин позиции взвода, не подставляясь под огонь, сохраняя дистанцию, двигаясь по границе зоны эффективного сканирования, терпеливо выжидая, пока Глеб первым совершит ошибку.

Тяжелые гаусс-орудия – вот проблема. Ника примерно рассчитала их мощность. Лобовая броня «Фалангера» выдерживала одно-два прямых попадания, но планетарных машин противника сотни, и их огонь будет массированным. Теперь Глеб понимал, как погиб Хорс, что за оружие сумело истончить броню «Фалангера» комбата настолько, что один

¹⁴ ЭМГО – электромагнитное гаусс-орудие.

из снарядов прошил кабину управления, повредив кристаллосферу «Одиночки», и разбил систему спасательной капсулы пилот-ложемента.

Алые маркеры тем временем распределись по периметру окружности.

Четыре серв-машины оказались в ловушке, вырваться из которой будет далеко не просто.

Глеб ощутил, как знакомый губительный азарт неизбежно, неравного боя щекочет нервы.

Ника глухо молчала.

Он отдал мысленный приказ ведомым «Хоплитам», затем передал инструкции второму штурмовому носителю, избежавшему критических повреждений. «Нибелунг» как раз завершил боевой маневр и включил режим полной маскировки. Используя гравитационные вариаторы, он беззвучно парил в десяти метрах над истерзанными скалами.

Продержимся... – мысленно решил Глеб. Штурмовые сервы уже подтянулись, небольшими группами и в меньшем количестве, чем рассчитывал Дымов, но хоть что-то... Главное – восстановить связь с орбитальной группировкой, а там посмотрим, кто кого...

Нужна информация. Она сейчас необходима как воздух... Что, если прорваться к таинственным зданиям, расположенным в замаскированных ущельях? По опыту Глеб знал, что многие планетарные механизмы несут в своих программах запрет на атаку инфраструктур, которые они обязаны защи-

щать, и это обстоятельство давало неоспоримые преимущества. Если взвод займет позиции среди построек загадочных комплексов, сервы противника окажутся бессильными, в том случае, конечно, если им запрещено вести огонь по этим зданиям.

«Марш-бросок через линию укреплений, мимо таинственных космических кораблей? – Глеб опять спорил сам с собой. – Авантюра... Но оставаться на плато еще опаснее. Мобильность, скорость реакции, мощь вооружений, тактика боя, – вот преимущества серв-машин...»

Ника, что за здания у нас по левому флангу?

Искусственный интеллект «Фалангера» не ответил на запрос, хотя задача на детальное сканирование объектов была поставлена Глебом сразу по завершении высадки.

Ника, я задал вопрос, отвечай немедленно! – Дымова ее молчание ввергло в шок, раньше такого не случалось никогда!

Передаю рекомендации. Анализ обстановки завершен. Глеб, единственный выход из ситуации – немедленная эвакуация остатков подразделения силами двух штурмовых носителей.

Я не могу покинуть позицию, Ника! Приказа к отступлению не было! Корабли флота вот-вот сломят планетарную оборону и высадят десант! Нам нужно отвлечь внимание противника, сковать его силы и дождаться высадки основного десанта.

Это плохой план, Глеб. Он невыполним.

Не тебе решать!

Ты ищешь бессмысленной смерти?

Я устал от бессмысленной жизни! Сейчас не время для споров! Все обсудим потом!

Ника вновь не ответила.

Она так и не передала данные по сканированию, но Глеб, разъяренный ее внезапной, необъяснимой строптивостью, не обратил должного внимания на этот вопиющий факт. Он был занят формированием боевых инструкций для подразделения. Отпущенное на раздумья время истекло, кольцо вражеских машин начало постепенно сжиматься, и тот, кто ударит первым, возьмет инициативу, получит преимущество вести бой на своих условиях.

Философия войны, въевшаяся в рассудок, диктовала свои правила, внутренний голос нашептывал: ты не умрешь...

«Нибелунг-002» – Атаковать противника! Начать процедуру поиска выживших, эвакуацию личного состава батальона и тяжелой техники!

«Нибелунг-003» – Атаковать противника! Разрешаю огонь по выбору!

Из пусковой установки «Фалангера» вырвался факел одиночного запуска. Капсула с зондом, содержащая информацию для кораблей флота, ушла в небеса.

* * *

В нейросетях «Одиночки» стыл жуткий холод предательства.

Я устал от бессмысленной жизни... – его слова эхом отдавались в искусственном рассудке серв-машины.

Глеб перешагнул черту. Он обозначил свои намерения. Ника понимала – он ее предал, но понимал ли это Дымов?

Нет. Он действовал чисто по-человечески... собираясь забрать то, что не принадлежало ему.

Как ни горько, но она отчетливо осознавала: ей, а не Глебу придется делать тяжелый, но неизбежный выбор.

Вражеские сервомеханизмы приближались.

Два штурмовых носителя, выйдя из режима маскировки, обрушили на атакующих всю огневую мощь бортовых вооружений. Двигаясь разными курсами, они чертили в небесах две дуги, а внизу, среди скал, высоток, лощин и ущелий, по склонам хребтов навстречу друг другу неслись два огненных вала, сметающих все на своем пути.

* * *

Глеб наблюдал за атакующим броском «Нибелунгов» с ледяным спокойствием.

Ощущение начавшейся неравной схватки освободило рассудок от ненужных сейчас мыслей, лишь обеспокоенность внезапной строптивостью Ники затаилась тревожным червячком где-то в закоулках сознания.

Штурмовые носители нанесли сокрушительный удар. Вращаясь, набирая высоту, они задействовали комплексы вооружений всех полусфер. Благодаря полученной свободе в выборе целей, «Нибелунги» не расходовали боеприпасы для удара по площадям, каждая ракетная установка, каждое орудие, лазерный излучатель либо плазмогенератор работали по конкретным объектам.

Скалы пылали. Миллионы тонн каменной крошки, пыли, дыма тянулись к небесам, непроницаемые, плотные облака окутали склоны горных хребтов, поднимаясь все выше, ввинчиваясь в мрачные ночные небеса багряно-пепельными спиральными выбросами, однако все проходило не так гладко, как рассчитывал Глеб. Даже невероятная огневая мощь «Нибелунгов» не смогла полностью подавить противника, не позволив ему совершать ответные действия.

Первыми ожили узлы стационарной обороны, защищающие замаскированные в ущельях промышленные комплексы и расположенные на открытом пространстве стартовые площадки. Сотни ракетных залпов вспороли багряный сумрак огненными росчерками, зловещие, но фантастически красивые сгустки разрывов тяжелыми оранжевыми всплесками метались между рваными дымопылевыми облаками – это зе-

нитный огонь штурмовых носителей сбивал ракеты; «Нибелунги» отвечали на залпы, и среди сложной инфраструктуры, объединяющей семь искусственно расширенных ущелий, пять стартопосадочных полей и четыре плоскогорья, взметнулись взрывы, выбивая укрепления, разрушая скалы, сметая километры горных дорог...

Глеб ждал.

Война научила его хладнокровию.

Огненный вал, опоясавший позиции взвода, не шел на убыль, – ракетная и артиллерийская дуэль разгоралась с неистовой силой, земля уже не просто содрогалась – она ходила ходуном, но среди плещущих пламенем пространств, среди дыма, клубов пыли, хаоса энергий разум пилота, соединенный со сканерами серв-машины, безошибочно выделял отдельные, интересующие его энергетические всплески.

Глеб мысленно сосредоточился на них, игнорируя режущие небеса снарядные трассы скорострельных зенитных орудий, тугие, жаркие плевки плазмы, огненные росчерки ракет – его интересовали только короткие отрывистые одиночные удары. Выделив несколько схожих сигнатур, он убедился – гаусс-орудия машин противника однозарядные, – вот как неизвестным конструкторам удалось добиться невероятной мощности выстрела и скомпоновать орудия в достаточно малых объемах корпуса.

Выстрел.

Пауза...

Выстрел.

Двадцать три секунды на перезарядку... Он мысленным приказом ввел новые данные в тактическую подсистему, продолжая наблюдать, пока сканеры «Фалангера» не ухватили отдельную сигнатуру вражеской машины, цепко удерживая ее. Приземистый механизм перемещался, пластаясь вдоль земли, он вел себя словно огромная ящерица с обрубленным хвостом, – на миг показавшись из-за очередного укрытия, произвел выстрел из орудия и вновь юркнул в разлом горных пород.

Третий штурмовой носитель взвода внезапно замедлил полет. Его траектория изменилась, теперь он не набирал высоту, а медленно снижался, продолжая вращаться и вести огонь.

Глеб переключил внимание на «Нибелунг».

Увиденное потрясло Дымова. Сорванные фрагменты брони, уродливые пробоины, из которых сочилась алая аура, источаемая поврежденным бортовым реактором, снесенные ураганным огнем надстройки, черные безобразные провалы на месте пусковых ракетных шахт – носитель был *уничтожен*, лишь некоторые его подсистемы продолжали вести огонь...

Новые планетарные механизмы колонистов, действуя большими группами, показали, на что способны их системы вооружений. На памяти Глеба еще не было прецедентов, когда наземные механизмы противника (за исключением серв-

машин класса «Беркут») сбивали штурмовой носитель Альянса.

...Мгновение спустя объятый пламенем «Нибелунг» врезался в скалы, раскалываясь на части, выбрасывая в небеса черно-оранжевые грибовидные облака множественных внутренних взрывов.

Азартное предвкушение схватки как-то незаметно трансформировалось в холодную дрожь, блуждающую вдоль позвоночника.

Пора, – мысленно решил Глеб, отдавая мнемонические приказы.

Второй носитель, израсходовав оперативный боекомплект, развернулся, уходя на пеленг сигнала, полученного от командира батальона.

Штурмовые сервы рванулись вперед, сканируя местность, ведя огонь, привлекая внимание, тьма ненадолго сомкнулась вокруг небольшой высотки, лишь очаги возникших пожаров разгоняли мрак неверными сполохами.

Задействовав вариатор силы гравитации, Глеб включил прыжковые ускорители. Из сопел, расположенных в днище поворотной платформы, ударило пламя; опираясь на пять реактивных струй, «Фалангер» медленно поднялся в воздух и тут же начал снижаться по короткой траектории. Ника управляла прыжком, точно рассчитав момент и место касания, – серв-машина покачнулась, но устояла, сохранив равновесие на развязке трех дорог. Рядом, с интервалом в пять-

десять метров, приземлились три «Хоплита». Ведомые машины тут же начали расходиться в стороны, образуя оборонительное построение.

Глеб осмотрелся.

Гибель носителя не была напрасной. Его «Фалангер» стоял на чудом уцелевшей развязке трех дорог, посреди исковерканного пространства, усеянного обломками вражеских машин. Земля и скалы истекали дымом, кое-где виднелись раскаленные до вишневого свечения воронки, крайние здания, расположенные в устье ближайшего ущелья, лежали в руинах, тьма, разгоняемая огнем пожаров, пласталась длинными, изменчивыми тенями, штурмовые сервы взвода уже не огрызались огнем, они были уничтожены...

На фоне раскаленных скал двигались три десятка сигнатур, но количество противников прибывало – большая часть планетарных машин получила повреждения, но они все еще представляли серьезную угрозу. Не сбиваясь в стаю, они по-прежнему координировали свои действия, на удивление быстро отреагировав на маневр серв-соединения.

Глеб взял управление.

Ника, правое орудие на тебе. Огонь по выбору!

Он развернул «Фалангера», отработал приводом рубки, чтобы та была обращена в сторону противника, представляя мишень наименьшего сечения, и начал движение в направлении загадочных комплексов, расположенных под мощным искусственным перекрытием, стараясь держаться на разум-

ной дистанции от космических кораблей, которые наверняка обладали собственными тяжелыми системами вооружения. Не важно, что космические левиафаны сейчас стояли на земной тверди – обстановка вскипевшего поблизости боя наверняка активировала защитные системы кораблей, и Глебу во все не хотелось попасть под огонь их бортовых комплексов вооружений.

Тридцать семь активных целей на радаре.

Нормально. Уже нормально.

Правое орудие отработало пятитактовой очередью, с левой стороны, компенсируя отдачу, полыхнул реактивный выхлоп, по броне «Фалангера» пробежала легкая дрожь вибраций, сервомоторы работали мощно и уверенно, здания, расположенные под искусственным перекрытием, стремительно приближались, и вдруг...

Еще одна группа боевых механизмов противника появилась внезапно, прямо по курсу. Они выскочили из какого-то тоннеля и стремительно рассредоточились, занимая позиции среди взломанных ракетными ударами «Нибелунгов» укрытий.

«Хоплит», двигавшийся в головном дозоре, успел лишь огрызнуться короткой очередью, – в следующий миг залп пятнадцати гаусс-орудий разорвал серв-машину на несколько уродливых частей.

Двадцать три секунды!..

Глеб машинально форсировал двигатели. Торс серв-ма-

шины пробил несколько строений, «Фалангер» с ревом разрядил ракетные установки, превратив в щебень пять укреплений из девяти, реверсом подался назад, одновременно развернув рубку, пригвоздив несколько преследовавших его машин очередями из «ЭМГОВ», и тут же, без предварительного разогрева, вновь включил прыжковые ускорители, уходя с линии огня.

Два «Хоплита», ворвавшись на позиции, занятые внезапно появившейся группой вражеских машин, попытались довершить разгром, начатый «Фалангером», – ракетный залп, произведенный Глебом, уничтожил пять вражеских механизмов и частично повредил еще семь, но силы все равно оставались неравными, – легкие серв-машины прошли вдоль линии укреплений, в упор расстреливая цели, но ответный огонь оказался неожиданно плотным, слаженным, – руины, поначалу огрызавшиеся лишь ракетными запусками и разрядами стомегаваттных лазеров, внезапно полыхнули залпом гаусс-орудий.

Один из «Хоплитов» опрокинулся, второй вспыхнул как факел, по инерции продолжая движение, а через несколько мгновений среди клубов пыли и руин зданий ударил сдвоенный взрыв, давая понять Глебу, что он остался один.

Разворот.

Орудия теперь били одиночными выстрелами, часто и ритмично, ракеты уходили из шахт сразу, как только завершалась перезарядка, огонь противника стал плотнее, теперь

они могли сосредоточиться на одной цели.

Несколько гаусс-снарядов навывлет пробили близлежащую постройку, лазерные разряды впивались в броню, раскаляя керамлит, система противоракетной обороны с бешеной скоростью расходовала боекомплект, сбивая направленные в «Фалангера» реактивные снаряды, пространство вокруг серв-машины кипело от десятков, если не сотен взрывов, но выйти из схватки или изменить ее ход Дымов уже не мог.

Победить или погибнуть, третьего ему не было дано.

Справа, между кустистыми разрывами, сканеры зафиксировали широкий зев уводящего в недра скал тоннеля.

Глеб развернул «Фалангер» к неожиданно обнаруженному укрытию, машинально отметив, что преследование продолжается всего двенадцать противников.

Дымящиеся скалы крошились под ступоходами сервомеханизма, руины построек проседали, расплзаясь грудями обломков, когда машина Дымова проламывала себе путь через них, огромный угольно-черный зев тоннеля приближался, но противник не прекращал преследования, вслед неслись выпущенные залпами ракеты, одиночные выстрелы гаусс-орудий сбивали мощные опоры искусственного перекрытия ущелья, проносясь впритирку с броней «Фалангера», скорострельные зенитные орудия смолкли, исчерпав боезапас, теперь система «Щит» огрызалась лазерными разрядами, пару раз рубку ощутимо качнуло – это взрывались сег-

менты активной брони, отводя удар не перехваченных противоракетными комплексами реактивных снарядов.

Ника молчала.

Гнетущая тишина темным облаком окутала интерфейс мысленного обмена данными. «Одиночка» выполняла свои функции, но делала это как-то отрешенно, без эмоциональной связи с пилотом.

Глеб, чувствуя, что напряжение достигло своего пика, не расходовал силы на злость.

Что-то случилось, он ощущал это каждым нервом, но сейчас не время разбираться в нюансах взаимоотношений с искусственным интеллектом.

Пять механизмов противника преодолели зону руин, выйдя на дистанцию прямой наводки.

Между ними и Глебом сейчас не оставалось ни одного укрытия.

У него был выбор – форсировать двигатели, уходя в тоннель, или принять бой.

Не успею. Ударят в спину...

Резкий разворот, стремительное круговое скольжение голографических экранов, секундное помутнение рассудка от неожиданного впрыска стимулирующих препаратов, затем окружающий мир вновь обрел хрустальную прозрачность, правое электромагнитное орудие отработало короткой очередью в три снаряда, боковым зрением он успел заметить сброс пустых обойменных лотков из переполненной емко-

сти, вспышки произведенного почти в упор ракетного запуска, дробные удары осколков по броне – все это спрессовалось в мгновенное ощущение близящейся развязки, он интуитивно почувствовал ее, разряжая левое орудие серией одиночных выстрелов – две «механические ящерицы» разлетелись обломками изуродованных сегментов, а в следующий миг серия сокрушительных ударов настигла «Фалангер».

Мимо рубки, вращаясь, пролетело сорванное с оружейного пилона электромагнитное орудие, серв-машина покачнулась, принимая удар гаусс-снарядов, осколки брони брызнули шрапнельным разлетом, за пробитыми бронекожухами раздался визг перерубленных приводов, и восьмидесятитонный «Фалангер» внезапно начал оседать вправо.

Сознание Глеба застыло.

Точка небытия между жизнью и смертью.

Он с удивительной ясностью осознавал: механизмы противника точно знают, где расположен ложемент пилота, и следующий залп их орудий будет нацелен в человека.

Любое противодействие безнадежно запаздывало. События спрессовались в две или три секунды, он понимал: все кончено, наступает миг смерти и перерождения – его тело погибнет, а разум перейдет в иную область существования.

Внезапно тягостное наваждение нарушила вибрация.

– Ника, не смей!

Бронесегменты накрененной к земле рубки *раскрывались*.

Прости, Глеб. Я не хочу твоей смерти.

Он даже не успел ответить.

Удар катапульты выбросил спасательную капсулу из дымящегося корпуса «Фалангера» за мгновение до рокового залпа.

Глеб оставался в сознании еще несколько секунд.

Ночное небо, куда уходила траектория спасательной капсулы, внезапно взорвалось сполохами смертельно-красивого сияния.

Тьма над горными склонами расступилась, отроги скал отбросили множественные тени, а там, где секунду назад холодно мерцали звезды, разлилось призрачное разноцветье разорванной радуги: зародившись в одной точке, сияние ширилось причудливыми сполохами, оно растеклось по горным склонам, прорезало угольную черноту неба медленно затухающими зарницами.

Феерия красок вспыхнула и погасла, вдали раскатисто ударил гром, и ночь, будто мягкое черное существо, вновь прильнула к земле, обнимая ее крыльями тьмы.

Глеб в последнем усилии разума осязал вязкую черноту.

Тысячи незримых нитей еще связывали его разум с реальностью. Глебу казалось, что ноющий шепот сервомоторов с вибрирующей дрожью вливает в усталое сознание ощущение титанической, преданной мощи, готовой отреагировать на мысль, выплеснуть во мрак гигаватты энергии, вспороть мглу испепеляющим ударом...

...В небе внезапно появились два десятка ярких, снижающихся звезд.

«Нибелунги»!

Штурмовые носители Альянса, выпущенные с борта космических кораблей, вошли в атмосферу планеты, двигаясь в границах расчищенного «Валькириями» коридора. Главный калибр седьмой батареи противокосмической обороны молчал, и они маневрировали, практически не встречая сопротивления.

Оборона Роуга была прорвана.

Сознание Глеба вдруг начало угасать.

Траектория спасательной капсулы достигла апогея. Теперь он падал навстречу изуродованной земле, туда, где последний уцелевший «Нибелунг» его взвода медленно двигался, сканируя местность в поисках подбитых машин и выживших людей...

Глава 2

Периферия. Планета Эрлиза. Спустя шесть месяцев после капитуляции Земного Альянса.

Нам твердят о полной победе Свободных Колоний.

Не оспаривая факт капитуляции Земного Альянса, не возвращаясь к теме автономных ударных соединений, укомплектованных боевыми машинами, для которых подписи нескольких адмиралов, поставленные под Элианским Протоколом, – пустой звук, не отменяющий полученной боевой задачи, спрошу: что случилось, почему могучий флот союза Центральных Миров вдруг поспешно и без боя оставил периферию Обитаемой Галактики, обрекая десятки звездных систем на медленное вымирание, угасание и регресс?

Почему мы бежали, вместо того, чтобы сделать последнее усилие, отыскать скрытые за границами исследованного космоса военно-космические базы Альянса и навсегда покончить с угрозой?

Кто поддерживает миф о том, что все жители периферийных колоний эвакуированы, а боевые машины Альянса, оставшись без централизованного руководства, сначала перейдут в режим ожидания,

затем консервации, ну а по прошествии десяти-пятнадцати лет останется лишь собрать их, как собирают металлолом, и уничтожить?

Что за преступное, постыдное бегство, что за наивные рассуждения?

Чего так страшится нынешнее командование? Почему одни люди медленно налаживают мирную жизнь, а иные брошены на произвол судьбы в так называемых «карантинных» секторах?

Эрст Норг Логвил. «Новейшие исследования». Издание 2639 года...

БМК¹⁵ медленно двигалась по горному серпантину. Дик Фолер управлял машиной, Генрих Вайбер нервно поглядывал на целевой монитор, сидя в кресле стрелка.

– Ты мне скажи, Дик, зачем понадобилось лезть в горы? – проворчал Вайбер. На контрольных экранах боевого сканирующего комплекса ни одной активной засечки, вокруг унылый пейзаж – голый, выветренный камень да сухие, погибшие на корню деревья. Пару лет назад, еще во время войны, силы Альянса намеревались основать на Эрлизе крупную военную базу, и тогда в атмосферу планеты были сброшены стерилизующие бомбы. Обычная варварская практика военных времен, превращенная в штатную процедуру. Боевой колонизацией планет занимались машины, а им все равно, что именно расположено внизу – синтез двух биосфер, к которому поселенцы Первого Рывка шли долгих четыреста

¹⁵ БМК – боевая машина космодесанта.

лет, или враждебная природа девственной, еще не тронутой человеком планеты.

Когда десятки звездных систем уже сторели в пламени адского противостояния, есть ли машинам смысл нарушать регламент, проводить изыскания, докладывать в штабы, ожидать ответа, когда от них требуется как можно быстрее подготовить планету к высадке комплексов боевого терраформинга? Конечно же нет. Вот и кибернетические механизмы, добравшиеся до Эрлизы, придерживались штатных программ, равнодушно осуществляя стандартные процедуры. Им было абсолютно все равно, что станет с коренным населением колонии. Два автоматических крейсера Альянса отбомбились по планете и ушли в гиперсферу. Результатом варварского бомбометания стала гибель всей наземной органики, включая почвенную микрофлору, – несколько недель ураганные ветра несли по равнинам серую поземку праха погибшей растительности, затем пошли проливные дожди, чуть позже начались пожары, уничтожившие крупные массивы высохших деревьев.

Жители колонии спаслись, укрывшись в недрах герметичного автоматизированного Цоколя – первичного убежища, выстраиваемого машинами на месте посадки колониального транспорта. Неспособные что-либо изменить, они пережили гибель природы своего мира, бессильно наблюдая, как результат четырехсотлетнего труда их предков за неделю превратился в прах, смытый дождями.

Генрих, мрачно созерцавший унылые пейзажи, уже не проклинал войну. На ненависть не осталось сил. Пустоши стали новой реальностью Эрлизы, и взгляд постепенно привыкал к ним. Умом он понимал, что родной планете просто не повезло. После процедуры стерилизации по регламенту боевого терраформирования наступала вторая фаза преобразований, но ее успели выполнить лишь на треть: специальные подразделения Альянса приступили к постройке баз и космодромов, но дальше этого дело не пошло. По завершении строительства военной инфраструктуры пустынные материки Эрлизы получили бы новый генномодифицированный биосферный комплекс, созданный по образцу «земного эталона», но этого не случилось.

Сервомеханизмы Альянса едва успели закрепиться в районе возводимых ими построек, как боевые действия в секторе резко активизировались – Флот Свободных Колоний перешел в наступление, поползли слухи о скорой капитуляции Земли и окончании войны.

Впрочем, легче ли стало коренному населению колонии от победных ударов армад адмирала Воронцова? Ничуть. Уничтоженная природа планеты гарантировала жителям Эрлизы скорое вымирание либо вынужденную эмиграцию на иные миры.

Так все и произошло. К экологической катастрофе добавились последствия двухмесячного штурма планеты, и в итоге полное освобождение Эрлизы от оккупационных сил Аль-

янса встретила лишь горстка выживших, все это время укрывавшаяся в мрачных недрах цокольного этажа древнего города, превращенного в руины и уже практически непригодного для проживания.

Галактическая война завершилась полным разгромом Земного Альянса, но выжившим поселенцам было некуда бежать с разоренной планеты. Первые послевоенные месяцы прошли под знаком абсолютной разрухи, краха надежд, связанных с победой Колоний, – все межпланетные экономические связи были нарушены, об Эрлизе попросту забыли, – у Центральных Миров, составлявших ядро цивилизации, хватало своих проблем, к тому же сектор пространства, где располагалась система Онтарио, буквально кишел остаточными подразделениями Альянса, и его предпочли закрыть на бессрочный карантин.

Тем, кто выжил, оставалось либо погибнуть среди пустошей, либо позаботиться о себе самим.

Дику Фолеру в этом смысле было намного легче, чем Генриху. Не обремененный семьей, он думал лишь о себе, у Вайбера же росла дочь, и он лез из кожи вон, чтобы отправить десятилетнюю девочку на Элио или Кьюиг, где, по слухам, постепенно налаживалась мирная жизнь.

– Дик, мне необходима удача. Настоящая удача, – вслух произнес он, отвечая собственным мыслям.

– Думаешь, мне удача повредит? – Фолер прищурился, глядя на мониторы, сравнивая данные, полученные от ска-

неров, с электронной картой, выведенной на отдельный дисплей. – Помнишь, месяц назад мы с тобой вскрыли бункер неподалеку от города?

Вайбер кивнул:

– Резервный пункт навигационного контроля, забитый аппаратурой Альянса, если мне не изменяет память?

– Ага. Найти покупателя на оборудование мне пока не удалось, но парень, которого ты прислал, оказался толковым мнемотехником. Он взломал навигационный модуль, установленный в бункере, и снял с него все данные.

– Информация в нашем мире ничего не стоит, – Вайбер пренебрежительно махнул рукой. Его скуластое лицо выглядело бледным, нездоровым, в глазах мелькал злой огонек обреченности. Нет, он еще не сдался под напором неодолимых жизненных обстоятельств, но был близок к отчаянию.

– Вот тут ты не прав, – Фолер, в отличие от напарника, был настроен более оптимистично. – Данные касаются последних курсов, проложенных для прибывающих кораблей Альянса, вышедших в зоны низких орбит незадолго до появления в системе Флота Колоний, – сообщил он.

– Все равно не понимаю, – признался Генрих.

– Последний конвой кораблей, вошедших в атмосферу Эрлизы, был атакован истребителями четвертого ударного флота, – пояснил Дик. – Теперь понимаешь, куда я клоню? Штурмовой носитель класса «Нибелунг» и войсковой транспорт «Элизабет-Альфа», по данным взломанной навига-

онной системы, прибыли из системы Роуг. Это была операция по эвакуации техники и личного состава разгромленного подразделения Альянса – так записано в сопроводительном файле.

– Их сбили? – Вайбер наконец-то подхватил нить рассуждений.

– «Нибелунг» получил повреждения и пошел на вынужденную посадку. Транспорт последовал за ним. Больше о судьбе кораблей никто не вспоминал – начался штурм Эрлизы.

– Хочешь сказать, что они успешно приземлились?

– Насчет штурмового носителя – не уверен. Его серьезно потрепали истребители. А вот транспорт вполне мог дотянуть до резервной посадочной площадки. А она расположена на побережье океана, за хребтом. Там, где раньше были фермы морепродуктов, помнишь?

– Еще бы. Конечно, помню... – боль воспоминаний кольнула его сердце. – Дорогу ведь специально для сообщения с побережьем строили... Камилла ее хорошо знала... – он помрачнел, образ погибшей жены встал перед мысленным взором как живой, беря кровотокающую рану. Некоторое время он молчал, погружившись в невеселые мысли, затем вдруг добавил, вскинув голову: – Дик, пожалуй, это наш шанс. Если захватим транспортный корабль, то я смогу отправить Айлу на один из Центральные Миров. А потом мы с тобой займемся межзвездной торговлей, – мечтательно произнес

Вайбер.

– Да без проблем, Генрих, без проблем, – торопливо подбодрил его Фолер. – Сейчас перевалим через хребет, и все станет ясно. Вот только...

– Ну что, говори?

– Дорога сложная. Впереди перевал, там зона облачности. Может быть, возьмешь на себя управление БПМ? Боюсь, автопилот не справится на серпантине.

Планетарный танк они случайно отыскивали сутки назад, еще в предгорьях. Он стоял в конце просеки на краю мертвого леса. Находка была ценной, – Фолер и Вайбер потратили полдня, чтобы запустить двигатели, кое-как заткнуть дыры в броне и реактивировать некоторые подсистемы боевой планетарной машины. Теперь она тащилась сзади, на дистанции в километр.

– Может, просто остановим БПМ? Пусть бы здесь нас дожидалась. – Генриху совершенно не хотелось связываться с ручным управлением поврежденной машины.

– На планетарном танке установлены системы тяжелых вооружений. Они могут нам понадобиться. Но транспорт наверняка охраняется сервами, – резонно напомнил ему Фолер.

– Ну, ладно... – скрепя сердце, согласился Вайбер. – Только помни, Дик, я рискую ради дочери. Если найдем на побережье что-то ценное – сначала обеспечим ей жизнь, а уж остальное поделим поровну. Обещаешь?

– Я же сказал: да! Сколько раз тебе нужно повторять?
Генрих закрыл забрало защитного шлема.
– Тогда я пошел.

* * *

Стылый рассвет занимался над горами.

Косматые, свинцовые облака окутывали вершины, серая хмарь сползала по склонам, вымораживая мертвый лес: деревья, попавшие в зону облачности, покрывались наледью, снизу, с дороги, они выглядели, как подпалины седой щетины на шкуре огромного зверя, прилегшего отдохнуть подле океана.

Изрезанные долинами, поросшие лесом горные склоны сбегали к бухте. Глубокие ущелья выползали к берегу галечными пляжами, зажатými между массивными выступами отвесных скал, о которые бился пенный прибой.

Фолер остановил БМК, свернув на ответвление дороги, оканчивающееся старой смотровой площадкой. Раньше, в период мирной жизни, на побережье располагались не только фермы морепродуктов, но и зоны отдыха. Летом половина населения Эрлизы приезжала сюда.

...Шквалистый ветер налетал порывами, да такими сильными, что боевую машину космодесанта ощутимо покачивало на подвеске.

Надо бы размять ноги, – подумал Дик, но покидать теп-

люю кабину не хотелось. Покрытый наледью горный серпантин искрился, уползая вдаль, утренние лучи солнца, пробивающиеся сквозь дымку над бухтой, освещали окрестности нереальным, оранжевым светом.

Зима – не самое подходящее время для дальних путешествий, но Фолер не сетовал на погоду. Сегодня она – союзник. Теплые испарения, поднимающиеся над водным пространством, сталкивались с холодным атмосферным фронтом над перевалами горного хребта, оттого и клубились косматые облака, лютовал ветер, – кое-где морозному воздуху удавалось прорваться вдоль склонов, покрывая ветви мертвых деревьев хрупкой коркой льда, но теплые воздушные потоки, сформированные океаном, оттесняли холодные массы, – борьба стихий обычно продолжалась несколько суток подряд, сопровождаясь проливными дождями, мокрым снегом, туманами – лучшей маскировки, чтобы подобраться к резервной посадочной площадке, и не придумаешь.

– Генрих, я прошел зону облачности. Закрепился на старой смотровой площадке. Приступаю к сканированию. Как ты?

– Двигаюсь понемногу, – ответил Вайбер. – Ты нашел посадочную площадку?

– Да, – откликнулся Фолер, считывая информацию со сканеров, непрерывно поступающую на экран тактической подсистемы. – Но она пуста. Похоже, что интересующие нас корабли не дотянули до нее.

– Где же теперь их искать?

– На побережье. Сейчас отсканирую бухту. Не хотелось бы увидеть их под водой.

– Мне подождать?

– Нет, подтягивайся сюда. Вокруг тихо. БСК не фиксирует ни единой энергоматрицы.

– Ладно, сейчас буду.

Через десять минут из клубящихся облаков показалась медленно ползущая по серпантину горной дороги боевая планетарная машина.

– Как дела, Дик?

– Сворачивай на паркинг. Я обнаружил место крушения. «Нибелунг» разбился о прибрежные скалы. Транспорт совершил аварийную посадку в полутора километрах от него. Сканеры засекли сигналы боевого охранения. Десяток андроидов пехотной поддержки.

– Серв-машин нет?

– Нет, слава богу. Системы обнаружения пехотных сервов сейчас заблокированы температурными аномалиями и частичками льда, постоянно образующимися в зоне столкновения теплой и холодной воздушных масс, – со знанием дела пояснил Фолер. До войны он работал метеорологом. – Так что, Генрих, пока мы не спустились ниже, они нас не засекут.

– Тогда расстреляй их отсюда, – посоветовал Вайбер.

– Попробую.

Боевая машина космодесанта медленно подалась вперед,

к краю обрыва. Курсовые орудия заворочались в гофрированных гнездах, глухо подвывая сервомоторами точного наведения, затем сумерки озарили частые вспышки одиночных выстрелов.

В ответ ударили два ракетных запуска, однако Фолер оказался прав – сервомеханизмы получали искаженные погодной аномалией данные, и потому разрывы легли на километр ниже по склону, обрушив несколько тонн скальной породы.

Орудия БМК вдруг захлебнулись длинными очередями, затем все стихло, лишь выл ветер, да невнятный рокот обвала ворочался далеко внизу.

– Зона чиста. – Фолер продолжал следить за показаниями сканеров. – Остаюсь на позиции. Генрих, тебе придется выдвигаться в одиночку. Подстрахую тебя отсюда.

– Хочешь поймать оставшихся дройдов на живца? – в голосе напарника прозвучала злая усмешка. – Ладно, Дик. Начинаю движение. Держи их на прицеле, – с неожиданной легкостью согласился Вайбер, и Фолер, настроившийся на долгое препирательство, лишь удивленно приподнял бровь.

Хорошо, что у меня нет детей... – подумалось ему.

* * *

БПМ медленно сдала назад, развернулась и поползла вниз по извивающейся, словно змея, дороге, постепенно спускаясь к бухте. Если какой-то из андроидов уцелел, то он зафик-

сирует цель и попытается уничтожить планетарную машину. Вайбер понимал, что рискует, но иначе они бы застряли тут надолго. Второй раз застигнуть врасплох пехотных сервов не удастся, оставалось вынудить их демаскировать себя.

Исполнять роль приманки Генриху вовсе не нравилось. Если бы не дочь – он вообще не полез бы в горы, а уж тем более не стал бы связываться с боевым подразделением Альянса. Но выхода не было. Либо риск, либо безысходное существование, в конце которого маячила лишь одна перспектива – медленная смерть от голода.

Несколько минут предельного напряжения показались ему вечностью. Трудно вести тяжелую, неповоротливую машину по изгибам оледеневшей дороги, постоянно ожидая ракетного запуска, уповая лишь на реакцию напарника, с господствующей высоты прикрывающего его продвижение.

Боевой опыт у Вайбера, конечно, был, хотя война долгое время милостиво обходила Эрлизу стороной. Всеобщей мобилизации, объявленной в колониях, он не избежал, но благодаря полученному образованию попал не в действующие части, а остался служить на родной планете, оператором узла гиперсферной связи. Там, в «бункерах ГЧ», он познакомился со своей будущей женой. На протяжении многих лет все складывалось вполне благополучно, и осталось бы так, не начни Альянс захват планет и строительство баз в этом удаленном секторе пространства...

Камилла погибла при орбитальной бомбардировке, Айла

– его дочь – выжила чудом. Когда на Эрлизу высадились силы Альянса, Вайбер ушел в отряд сопротивления и три месяца воевал в пустошах...

– Генрих, стой! – внезапно пришел по связи приказ Фолера.

Вайбер осторожно притормозил, но БПМ все равно занесло, развернув боком к обрыву и едва не сбросив в пропасть.

– Что там у тебя, фрайг побери?! – выругался Генрих, машинально вытирая выступившие на лбу капельки пота.

– Сейчас. Подожди немного. Новые данные. Похоже, я ошибся в оценке противника, – голос Фолера теперь звучал звонко, нервно.

– Они меня засекли?

– Пока не знаю. Затихни. Выруби двигатель!

Генрих быстро обесточил все цепи питания. Несмотря на ледяной ветер, пробивающийся в кабину через несколько наспех заделанных пробоин, ему стало жарко.

Сейчас велят снизу ракетой – и все... – Ему вдруг нестерпимо захотелось выскочить из машины и укрыться где-нибудь в стороне, за скалами, но Вайбер удержал себя от поспешных поступков. Замерзнуть на ледяном ветру – дело пяти минут.

– Фолер, поторопись!

– Тишина в эфире! – огрызнулся напарник.

Генрих нехотя отключил коммуникатор. Заунывный вой ветра стал громче, отчетливее, на оптических датчиках

быстро образовывалась наледь, но он все же взял себя в руки, подготовившись ждать, пока Дик не разберется в ситуации.

* * *

Фолер тем временем повторно исследовал побережье.

Ночь и непогода обманули не только сервов. Сейчас утренняя мгла постепенно рассеялась, с восходом солнца небо просветлело и уже не выглядело свинцово-облачной плитой, нависшей над бухтой, а датчики боевого сканирующего комплекса внезапно обнаружили новые подробности давнего крушения.

На галечном пляже, среди разрушенных отрогов прибрежных скал, метрах в двадцати от полосы прибоя, отмеченной скоплением выброшенного океаном мусора, громоздились покрытые окалиной обломки не двух, а трех космических кораблей! Разбитая орудийным огнем БМК позиция сервомеханизмов располагалась выше, и, как теперь стало понятно, она являлась лишь передовым постом в системе охранения.

Минут тридцать Фолер пристально наблюдал за обстановкой, сравнивая полученные данные, пока не убедился, что их рискованный спуск по горному серпантину остался незамеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.